

**МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ**

CV Международная научная конференция

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43
И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*
Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов, Н.М. Сараева, Т.К. Абдрасилов, О.А. Авдеюк, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуикова, Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Искаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда, М.Г. Комогорцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина, М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев, А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова, И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия), К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина), Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан), А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан), Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Искаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан), А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колтак (Россия), А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия), Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина), М.А. Нагервадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия), М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия), Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан), М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

Исследования молодых ученых : материалы CV Междунар. науч. конф. (г. Казань, И88 июнь 2025 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой ученый, 2025. — iv, 100 с.

ISBN 978-5-6054099-0-8.

В сборнике представлены материалы CV Международной научной конференции «Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6054099-0-8

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНА И ФАРМАКОЛОГИЯ

Гаджиева Ж.Р.

Профессия медицинской сестры в современном мире: мотивация, вызовы и способы популяризации 1

Гордикова С.Н.

Место психодерматозов в современном мире патологии. Нейродермиты . . . 5

ЭКОЛОГИЯ

Медведева А.А.

Экотуризм как приоритетное направление в развитии гостиничного бизнеса 8

ЭКОНОМИКА

Akande V.O., Debo J.O.

Crafting financial strategies: the impact of behavioral finance on decision-making 14

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И РР

Гречко С.И.

Отношение работников рекламной сферы к особенностям продвижения похоронного бизнеса в интернете (на примере сотрудников рекламного агентства Media Instinct Group) 21

Жданова Е.Е.

Механизмы продвижения спортивных мероприятий в локальных сообществах на примере Лиги марафонов БРИКС 28

МЕНЕДЖМЕНТ

Зильберман А.С.

Эмоциональный интеллект в охране труда: как управление эмоциями снижает производственный травматизм 32

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**Давыденко А.В.**

Правовые пробелы в регулировании лоббизма в России
и их влияние на коррупционные риски 40

Котенкова Ю.И.

Проблемы гражданско-правового статуса юридических лиц
публичного права 45

Марковская Н.Г.

Защита добросовестного приобретателя и недействительность сделки. . . 53

Шаляпин С.Н.

О практике рассмотрения гражданских дел о защите прав
потребителей 60

ПСИХОЛОГИЯ**Королева А.В.**

Развитие мотивации достижения в детском возрасте:
теоретические подходы 69

Ляпина Л.В.

Качество трудовой деятельности в свете современных психологических
теорий мотивации 74

Шуржунова Д.Б.

Цифровая арт-терапия как инструмент работы с тревожностью,
депрессией, посттравматическим стрессовым расстройством
и ее особенности в работе с детьми и подростками. 78

ПЕДАГОГИКА**Важенина Н.Н., Кирикович Т.А., Колликовская Г.Ф., Аспидова Е.П.,
Стафеева К.А., Панкрац Л.В., Лилик С.А., Новосёлова Ю.В.**

Формирование традиционных российских ценностей у детей старшего
дошкольного возраста в условиях детского сада. 84

Oralgazina A.O.

Effective conduct of reading-based lessons. 89

МЕДИЦИНА И ФАРМАКОЛОГИЯ

Профессия медицинской сестры в современном мире: мотивация, вызовы и способы популяризации

Гаджиева Жасмина Руфетовна, студент

Научный руководитель: Кипиани Юлия Владимировна, преподаватель

Медицинский колледж № 5 г. Москвы

Введение

Медицинская сестра — это не просто профессия, это призвание, требующее милосердия, терпения и высокого уровня профессионализма. [1]

В современном мире, где медицина стремительно развивается, роль медсестры остается одной из ключевых в системе здравоохранения.

Цель данного проекта — раскрыть значимость профессии медицинской сестры и подчеркнуть личную мотивацию выбора этой специальности.

1. Историческая роль медицинских сестер

Основоположницей сестринского дела считается англичанка Флоренс Найтингейл. Она создала службу сестёр милосердия во время Крымской войны. Её принципы до сих пор актуальны: гигиена, наблюдение за состоянием пациента и гуманное отношение. [2]

2. Медицинская сестра сегодня, кто она?

Медицинская сестра (медицинский брат) — это квалифицированный специалист со средним медицинским образованием, который выполняет лечебные, диагностические и профилактические процедуры, а также обеспечивает уход за пациентами. [1]

Сегодня роль медицинской сестры кардинально преобразилась. Это уже не просто «помощник врача», как было принято считать раньше, а полноценный самостоятельный специалист, обладающий:

- профессиональной автономией — способностью принимать решения в рамках своей компетенции;
- расширенными полномочиями, включая независимые сестринские вмешательства;

— ответственностью за качество оказываемой помощи и результаты лечения.

Современная медсестра — это:

1. Квалифицированный диагност — умеющий выявлять проблемы пациента
2. Эффективный планировщик — разрабатывающий индивидуальный план ухода
3. Компетентный исполнитель — осуществляющий профессиональные вмешательства
4. Самостоятельный специалист, анализирующий результаты своей работы и способный принимать решения в рамках своих компетенций

Нынешний этап развития сестринского дела характеризуется:

1. Активным участием в научной деятельности
2. Регулярным повышением квалификации
3. Выступлениями на профессиональных конференциях
4. Проведением исследовательских работ
5. Разработкой инновационных методов ухода

Эволюция роли медицинской сестры отражает общемировую тенденцию к повышению статуса сестринской профессии. Сегодня это самостоятельная, уважаемая специальность, требующая глубоких знаний, клинического мышления и постоянного профессионального роста. И это только начало нового этапа в развитии сестринского дела.

3. Практическая часть

Цель исследования: Анализ эффективности профориентационных мероприятий по специальности «Сестринское дело» среди абитуриентов и студентов Медицинского колледжа № 5

Задачи исследования:

1. Разработать анкету
2. Сделать выборку респондентов
3. Провести анкетирование
4. Сделать сравнительный анализ и разработать рекомендации

Исследование проводилось на базе Медицинского колледжа в форме анкетирования. В выборку вошли 200 респондентов, из них:

100 абитуриентов (лица, планирующие поступление);

100 студентов 1–4 курсов (лица, уже обучающиеся по специальности «Сестринское дело»).

Анкета включала 8 вопросов, направленных на выявление:

1. Осведомленности о профессии.

2. Участия в профориентационных мероприятиях.
3. Предпочтений в форматах получения информации.
4. Мотивации к поступлению.
5. Представлений о роли медицинской сестры.
6. Важных профессиональных качеств.

Результаты исследования

1. По региону проживания — 95 человек — являются представителями г. Москвы, из регионов — 105 человек.

2. Профориентационная активность:

130 человек (65%) отметили отсутствие профориентационных мероприятий по специальности.

3. Потребность в информации:

160 респондентов (80%) выразили желание получить дополнительные сведения о профессии.

4. Предпочитаемые форматы информации:

— Мастер-классы (лидирующий вариант);

— Видеоролики;

— Открытые занятия.

5. Мотивация к поступлению:

— Основной мотив — «желание помогать людям»;

— У 85% абитуриентов выявлен страх перед ЕГЭ, что может снижать их вовлеченность.

6. Представление о профессии:

Абитуриенты чаще воспринимают медсестру как «помощника врача» с узким кругом обязанностей, в свою очередь студенты видят в ней самостоятельного специалиста с широким функционалом.

7. Ключевые профессиональные качества:

— Эмпатия;

— Ответственность;

— Доброта.

Выводы

1. Существует дефицит профориентации среди абитуриентов, особенно в регионах.

2. Недостаточная информированность о реальных обязанностях медсестры приводит к искаженному восприятию профессии.

3. Студенты демонстрируют более осознанное понимание профессии, что указывает на эффективность образовательного процесса.

Рекомендации

1. Усиление профориентационной работы

- Проведение мастер-классов в школах Москвы и регионов с участием практикующих медсестер, преподавателей и студентов медицинских колледжей
- Организация открытых занятий в колледже с возможностью онлайн-трансляции для абитуриентов из регионов

2. Развитие цифровых ресурсов

Создание видеороликов о профессии:

- Интервью с выпускниками;
- День из жизни медсестры;
- Разбор мифов о профессии.
- Использование социальных сетей для продвижения контента.

3. Повышение мотивации абитуриентов

- Встречи с практикующими специалистами, которые могут поделиться опытом.

4. Коррекция восприятия профессии

- Образовательные лекции о реальных обязанностях медсестры.
- Кейс-методы — разбор реальных ситуаций из практики.

Заключение

Проведенное исследование показало необходимость системного подхода к профориентации по специальности «Сестринское дело». Реализация предложенных рекомендаций позволит:

- Повысить информированность абитуриентов;
- Скорректировать ожидания от профессии;
- Увеличить мотивацию к поступлению;
- Улучшить качество подготовки будущих медсестер.

Литература:

1. Профессиональный стандарт «Медицинская сестра/медицинский брат», утверждённый приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 июля 2020 года N 475н.
2. Гордеев, И. Г. Сестринское дело. Практическое руководство: учебное пособие / под ред. Гордеева И. Г., Отаровой С. М., Балкизова З. З. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2017. — 576 с. — ISBN 978-5-9704-4147-3. — Текст: электронный // ЭБС «Консультант студента»: [сайт]. — URL: <https://>

- www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970441473.html (дата обращения: 26.04.2025). — Режим доступа: по подписке.
3. Обуховец, Т.П. Основы сестринского дела: учеб. пособие / Т.П. Обуховец, О.В. Чернова. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2024. — 939 с. (Среднее медицинское образование) — ISBN 978-5-222-35270-0. — Текст: электронный // ЭБС «Консультант студента»: [сайт]. — URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785222352700.html> (дата обращения: 16.04.2025). — Режим доступа: по подписке.

Место психодерматозов в современном мире патологии.

Нейродермиты

Гордикова Софья Николаевна, студент

Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко

Психодерматология — это относительно новое, но развивающееся с необычайной скоростью направление в медицине, которое объединило такие науки как дерматовенерология, психиатрия, психология и др. [1]. Данная дисциплина занимается изучением сложных взаимоотношений кожи и разума. Находясь на стыке разных областей медицины, она долгое время оставалась в тени, но в последнее время интерес к ней разгорается все с большей силой в связи с ростом частоты выявления коморбидных случаев, а именно сочетания психических и кожных заболеваний. В таких ситуациях эффективность проводимой терапии снижается, а иногда вообще может завести лечащего врача в тупик, и тогда прогноз становится неоднозначным. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что психодерматология требует особого внимания среди клиницистов [2].

На сегодняшний день нет четких алгоритмов диагностики и тем более лечения подобных патологий. До сих пор не существует единого подхода к постановке диагноза при психодерматозах, отсутствует даже общепринятое название данной группы заболеваний. В разных медицинских учреждениях при формулировке диагноза используются различные термины: «самовызванные и бредовые дерматозы», «первично-психогенные дерматозы», «патомимия», «кожные симптомы психических заболеваний» и др. Таким образом, определение и постановка диагноза в большей мере основывается на опыте и личном мнении врача. Все это обуславливает необходимость и перспективность изучения

психических расстройств, которые проявляются самоповреждающими действиями относительно кожных покровов и ее производных, а также возникающих при хронических дерматозах [3].

В современном мире расстройствами психики обладает в среднем треть пациентов дерматологического профиля. Всю общность данных коморбидных состояний можно разделить на три большие части:

- 1) расстройства психики с преимущественными патологическими проявлениями в соматической (дерматологической) сфере;
- 2) расстройства психики, которые были спровоцированы кожной патологией, включающие в себя нозогенные реакции и патологическое развитие личности;
- 3) собственно психосоматические заболевания — дерматологические симптомы, манифестирующие или обостряющиеся в связи с психогенными факторами. Это и есть нейродермиты [4].

К хроническим нейродермитам, формирование которых может быть связано с психогенными причинами, относятся: псориаз, атопический дерматит, простой герпес, экзема, хроническая крапивница, розацеа и др.

В современной науке главную роль в формировании нейродерматозов отдают стрессовому фактору. Ключевым моментом являются психогении, которые возникают по механизму «ключевое переживание» [5]. Часто пациенты говорят о наличии конфликтов на работе, семейных проблемах и др. У отдельных больных предпосылки к нарушениям психики проявляются уже в детстве: психотравмы, полученные в семье, конфликты с матерью/отцом, разрыв отношений с людьми, которые вызвали сильную эмоциональную привязанность у больного [6].

Чаще всего кожные симптомы наблюдаются у людей с психопатологией депрессивного и/или тревожного спектра. Кроме тревожно-депрессивных проявлений у большого количества пациентов определялись демонстративные черты. Реже встречались дисморфофобические расстройства. [6]

Также некоторые исследователи указывают на связь депрессивных расстройств у пациентов с нейродермитами с возрастом и полом. Согласно проведенным исследованиям у представителей женского пола тревога и депрессия возникают чаще, чем у мужского, а тревожность — чаще в молодом возрасте [7].

Рассматривая патофизиологию нейродермитов, можно выделить генетическую и иммунологическую основы, а психический компонент оставить как промежуточное звено в цепи патофизиологических реакций. Пусковой момент — стресс-индуцированная реакция организма (выработка регулятор-

ных нейротрофинов и нейропептидов), возникающая только на фоне уже присутствующих у человека генетических и иммунологических особенностей [4].

Кроме того, говоря о патогенезе нейродермитов обязательно нужно указать, что кожа является средством взаимодействия личности и внешней среды, она участвует в создании телесного образа «Я», который имеет свои границы [8].

Нарушение границ «Я» связано с психосоматическими нарушениями. Место возникновения симптомов патологии определяет во многом тип реакции на стресс. Например, при барьерном типе симптомы возникают именно на коже [4].

Лечение психодерматозов основано на уменьшении стресса, диагностике и лечении психических расстройств, имеющих связь с заболеваниями кожи, повышении самооценки больного. В терапии данных патологий используются как фармакологические, так и психологические методы. [4].

Литература:

1. França K, Chacon A, Ledon J, Savas J, Nouri K. Psychodermatology: a trip through history. *An Bras Dermatol.* 2013 Sep-Oct;88 (5):842–3.
2. Современные аспекты психодерматологии / Г.Н. Прутян, А.С. Жуков, Е.Р. Жарун [и др.] // Известия Российской военно-медицинской академии. — 2020. — Т. 39, № S3–4. — С. 218–225.
3. Дерматологические проявления психических заболеваний / Г.В. Прутян, А.С. Жуков, Н.В. Лавров [и др.] // Педиатр. — 2020. — Т. 11, № 6. — С. 55–62.
4. Психодерматология: Нейродермиты как психосоматическая патология / М.И. Кечемайкина, С.В. Кирюхина, В.Г. Подсевадкин, Д.Ю. Шубин // Вестник психофизиологии. — 2022. — № 2. — С. 43–49.
5. Львов А. Н. К вопросу о психосоматических заболеваниях в дерматологии // Психиатрия и психофармакотерапия. 2004. Т. 6. № 6. С. 272–274.
6. Picardi A., Pasquini P., Abeni D., Fassone G., Mazzotti E., Fava G. A. Psychosomatic Assessment of Skin Diseases in Clinical Practice // *Psychother Psychosom.* 2005. V. 74. No. 5. P. 315–322.
7. Wang J, Wu X, Lai W, Long E, Zhang X, Li W, Zhu Y, Chen C, Zhong X, Liu Z, Wang D, Lin H. Prevalence of depression and depressive symptoms among outpatients: a systematic review and meta-analysis. *BMJ Open.* 2017 Aug 23;7 (8):e017173.
8. Тхостов, А. Ш. Психология телесности / А. Ш. Тхостов. — 2. — Москва: Смысл, 2002. — 287 с.

ЭКОЛОГИЯ

Экотуризм как приоритетное направление в развитии гостиничного бизнеса

Медведева Анна Александровна, студент магистратуры

Тюменский индустриальный университет

В статье рассматривается рост популярности экотуризма в XXI веке как отражение глобального интереса к экологическому образу жизни и заботе о здоровье. Экотуризм сочетает в себе принципы охраны природы и активного отдыха, направленные на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду. Основные цели экотуризма включают сохранение биологического разнообразия, повышение экологической осознанности и поддержку местных сообществ. В последние годы наблюдается рост интереса к отдыху на природе и гостиничный бизнес адаптируется к этим тенденциям, предлагая экологически чистые варианты размещения, такие как эко-отели и глемпинги, которые обеспечивают комфорт и минимальное воздействие на природу. В итоге, экотуризм не только способствует гармоничному сосуществованию человека и природы, но и представляет собой успешную стратегию для гостиничного бизнеса, отвечающую потребностям современного общества.

Ключевые слова: *экотуризм, гостиничный бизнес, природа, эко-отели, глемпинги, гринвошинг.*

Ecotourism as a priority direction in the development of the hotel business

Medvedeva Anna Aleksandrova, student master's degree

Tyumen Industrial University

The article examines the growing popularity of ecotourism in the 21st century as a reflection of the global interest in an ecological lifestyle and health care. Ecotourism

combines the principles of nature conservation and active recreation aimed at minimizing the negative impact on the environment. The main goals of ecotourism include preserving biological diversity, raising environmental awareness and supporting local communities. In recent years, there has been a growing interest in outdoor recreation and the hotel industry is adapting to these trends by offering environmentally friendly accommodation options such as eco-hotels and glamping, which provide comfort and minimal impact on nature. As a result, ecotourism not only promotes the harmonious coexistence of man and nature, but also represents a successful strategy for the hotel business that meets the needs of modern society.

Key words: ecotourism, hotel business, nature, eco-hotels, glamping, greenwashing.

В 21-м веке популярной тенденцией стал экологический образ жизни, люди заботятся об окружающей среде и своем здоровье, готовы переплачивать за экологически чистые продукты и материалы. Приставка «эко», акцентируя внимание на экологических ценностях и устойчивом развитии, находит широкое применение в различных сферах человеческой деятельности, включая туризм. В результате чего появился новый сектор туристической индустрии – экотуризм.

Экотуризм является одним из самых быстрорастущих направлений на сегодняшний день, соединяет в себе два понятия экологию и туризм, суть его заключается в том, чтобы познакомить человека с природой, сводя к минимуму негативные воздействия на окружающую среду, сохраняя и защищая ее. [3]

К основным задачам относятся:

- 1) Сохранение природы и разнообразия биологических видов за счет инвестиций эко туристов.
- 2) Повышение осознанности и уважения к окружающей среде
- 3) Повышение знаний о природе, ее особенностях и осведомление об экологических проблемах и исчезающих видах.
- 4) Создание возможности для отдыха на природе, активного времяпровождения и здорового образа жизни
- 5) Поддержка местного населения и экономики [4]

Экотуризм активно развивается во всем мире и предлагает множество вариантов для путешественников, стремящихся к более осознанному и ответственному отдыху:

Приключенческий экотуризм — включает активные виды отдыха на природе, такие как трекинг, альпинизм, kayaking, велосипедные экскурсии и другие виды активного отдыха.

Орнитологический туризм — специализированный вид экотуризма, сосредоточенный на наблюдении за птицами и исследовании их мест обитания.

Гастрономический экотуризм — сочетает элементы кулинарного туризма с элементами экотуризма, включая посещение местных ферм, участие в кулинарных мастер-классах и знакомство с традиционной кухней.

Экотуризм в дикой природе — включает в себя наблюдение за дикой природой, такими как сафари или наблюдение за миграцией животных, с целью их защиты.

Культурный экотуризм — охватывает взаимодействие с местными культурами и традициями, включая участие в местных праздниках, ремесленных мастер-классах.

Агрэкотуризм — включает в себя посещение сельскохозяйственных угодий и ферм с целью изучения агрономии, местных традиционных методов ведения сельского хозяйства и участия в работах на ферме.

Экологическая реабилитация — участие туристов в проектах по восстановлению экосистем, чистке природы и сохранению биоразнообразия.

Образовательный экотуризм — путешествия, направленные на изучение экологии, охраны окружающей среды и устойчивого развития, часто в сотрудничестве с учебными заведениями и организациями. [1]

Экотуризм прежде всего ответственное путешествие в заповедные зоны или места, не тронутые антропогенными воздействиями, становится не просто трендом, а важным шагом к гармоничному сосуществованию человека и природы.

За последние 10 лет отдых на природе стал пользоваться большим спросом и с каждым годом он увеличивается, что связано со следующими факторами:

- В результате covid-19 произошло ограничение на массовые мероприятия, и приоритеты на проведение досуга изменились. Люди стали проявлять интерес к активному отдыху на свежем воздухе, включая походы и кемпинги.
- Еще одним фактором является то, что люди хотят отдохнуть от городских будней: шумовое загрязнение и выхлопные газы негативно влияют на психологическое и физическое состояние человека, отдых на природе помогает улучшить здоровье, восстановить энергию и силы.
- В-третьих, растущее внимание к вопросам устойчивого развития и экологии. Потребители становятся более осведомленными о воздействии своего выбора на окружающую среду и предпочитают экологически чистые варианты отдыха.

Поэтому гостиничный бизнес не отстает от тенденций, и выходит на новый уровень, удовлетворяя потребности нынешнего века. Для экологов, туристов и людей, желающих отдохнуть на природе в комфортных условиях с минимальным воздействием на окружающую среду, были созданы эко-отели и глемпинги.

Глемпинг, или, другими словами, гламурный кемпинг — это отдых на природе сочетающий в себе комфорт и элементы традиционного кемпинга. Глемпинг предполагает удобное и экологичное жилье, сделанное из натуральных материалов: дерево, камень, солома, глина. В нем предоставлены все необходимые условия: электричество, душевая кабина, вся необходимая мебель, уютный интерьер. Глемпинги располагаются в живописных местах в лесах, горах, у рек или озер. Можно насладиться природой и свежим воздухом, прогуляться или покататься на велосипедах, устроить пикник. Глемпинг-места строятся с учетом принципов устойчивого развития и минимального воздействия на окружающую среду поэтому они идеально подходят для экотуризма.

Эко-отели — это заведения, которые стремятся минимизировать свое воздействие на окружающую среду. Они часто используют экологически чистые технологии, местные материалы и практики, которые помогают сохранить природу и поддерживать местные сообщества. [2]

Эко-отели применяют солнечные панели, ветряных турбин и других возобновляемых источников энергии для снижения потребления ископаемого топлива, а также имеют систему управления отходами. Питание состоит из пищи, приготовленной из местных и органических продуктов, что поддерживает местных фермеров и снижает углеродный след. При посещении эко-отелей людей будет ждать образовательная программа для гостей, направленная на повышение осведомленности о важности охраны окружающей среды и устойчивого образа жизни. Обычно они располагаются в Национальных парках и заповедниках, сельских районах и на побережных курортах. [5]

Использование эко-отелей и глемпингов в гостиничном бизнесе, станет успешной стратегией, способствующей как бизнес-успеху, так и сохранению окружающей среды.

Прежде чем строить бизнес на экотуризме следует чувствовать грань между деньгами и заботой о природе, зачастую недобросовестные компании пользуются текущим трендом, и просто под видом «экотуризма» губят природу, получая при этом колоссальную прибыль. Поэтому существует понятие гринвошинг.

Гринвошинг — это практика, при которой компании или организации пытаются создать ложное впечатление о своей экологической устойчивости или ответственности. Это может включать в себя чрезмерное или вводя-

щее в заблуждение использование экологически чистых терминов, заявлений или маркировки, без реальных действий или достижений в области охраны окружающей среды. Гринвошинг может вводить в заблуждение потребителей, мешать реальным усилиям по устойчивому развитию и подрывать доверие к брендам, которые действительно следуют экологическим принципам.

Для того чтобы бороться с гринвошингом, необходимо изучать информацию о компаниях и их экосреде, читать отзывы и исследования, которые анализируют экологические практики предприятий, проверять сертификации, делиться информацией о случае гринвошинга с другими потребителями, обсуждать данные темы в социальных сетях и на форумах, участвовать в образовательных инициативах, которые учат людей распознавать гринвошинг и важность экологически ответственного потребления. Информированность и активная позиция потребителей играют ключевую роль в борьбе с гринвошингом. [4]

При чрезмерном строительстве глемпингов и эко-отелей происходит потенциальный вред экосистемам, поэтому компаниям следует с осторожностью вести строительные процессы, тщательно подбирать места, не вырубать деревья и не портить редкие виды растений, а напротив проводить акции по высадке деревьев и собирать средства на поддержание местных экосистем, только таким образом можно назвать свой бизнес честным, который заботится о природе и соответствует принципам экотуризма.

Таким образом, экотуризм играет важную роль для общества и окружающей среды, а также представляет стратегию, которая помогает долгосрочному развитию гостиничного бизнеса. Гостиничная сфера в экологическом направлении должна честно строить свой бизнес и отвечать задачам экотуризма, как можно больше помогая природе, а не разрушая ее.

Литература:

1. Эко туризм и дома А-Фрейм компании Бавура — Текст: электронный: [сайт]. — URL: <https://bavura.ru/blog/eko-turizm-i-doma-afreym.html?ysclid=m2dkv2dzi9367263580> (дата обращения 14.03.25)
2. Озерная, О. Природа зовет: особенности отельного бизнеса в экотуризме / О. Озерная. — (Горизонты рынка) (Развитие бизнеса). — Текст: непосредственный // Гостиничное дело. — 2018. — № 9. — С. 21–27. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-gosd/2018/9-868835632&ysclid=mbdqk74mnh746780973>

3. Расторгуева М. Что такое эко-отели и почему они набирают популярность // Билетик Аэро. — Текст: электронный: [сайт]. — URL: <https://www.biletik.aero/handbook/blog/oteli/chto-takoe-eko-oteli-i-pochemu-oni-nabirayut-populyarnost/>
4. Экотуризм: что это, виды, плюсы и минусы, правила | РБК Тренды — Текст: электронный: [сайт]. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/669e67bf9a7947cbeb7c75b2?ysclid=m2p84ydkfx444823972&from=copy#prin>
5. Александрова Д. Индивидуальный проект по экологии Тема: «Эко-отели в России». — Текст: электронный: [сайт]. — URL: <https://multiurok.ru/index.php/files/individualnyi-proekt-po-ekologii-tema-eko-oteli-v.html?ysclid=m3ycw4topm842978572>

ЭКОНОМИКА

Crafting financial strategies: the impact of behavioral finance on decision-making

Akande Victor Ogbo, student master's degree;
Debo Joseph Oyana, student master's degree
South Ural State University (Chelyabinsk)

Behavioral finance is a theory of financial decision-making that combines psychological concepts with traditional economic theory. It looks at the way that both biases, emotions, and social forces impact the overall ideas and strategies concerning investing and finance. Based on new empirical evidence and real-world examples, among others, we discuss some of the most prominent behavioral phenomena: Loss aversion, overconfidence, mental accounting, and herding. It also highlights how these biases generate market failures and also suboptimal individual results. We then offer some concrete examples of how behavioral insights can be integrated into the development of financial strategies based on systematized decision making, technology-mediated mechanisms, and behavioral advisory practice. It also shows how some of them have already worked successfully in the areas of personal finance, institutional investment management, and regulation policy. Investors and financial planners can gain insight into our psychological tendencies in the realm of finance and make plans that acknowledge one important fact: that we are all human and as such are not 100% rational beings but instead are a bundle of whims and passions. There is a tremendous potential for such behavioral finance principles to be integrated for the benefit of both individual and market financial outcomes.

Keywords: behavioral finance, cognitive biases, investment psychology, financial decision-making, loss aversion, market efficiency, prospect theory, investor behavior, risk perception, financial advisory.

Introduction

In the wake of the rise of behavioral finance, the financial services industry has been irrevocably changed. The staid formulas and postulates about the rationality of

the market at the heart of traditional financial theory have been supplied by more complex conceptions that recognize the complexity of human psychology.

It is a revolution not at just an academic level and even more so it is a revolution in the praxis of how financial strategies have been made and will be build. Markets could come unglued from underlying values when fear and panic took hold of investors, and this was demonstrated clearly at the point of the 2008 Financial Crisis. Even more recently, the GameStop trading “frenzy” of 2021, as well as the recent gyrations in cryptocurrency, reflect how social media as well as mob behavior can cause asset prices to shift far away from what traditional valuation would suggest. These stories once more highlight the need for understanding behavioral characteristics in the decisions that individuals make in finance.

The Behavioral Revolution in Finance

Behavioral finance is built on evidence from cognitive psychology and experimental economics that has accumulated over decades. In one of the most important challenges to the rational actor model, Daniel Kahneman and Amos Tversky's research into judgment under uncertainty has shown the presence of predictable biases in human decision making.

Their Prospect Theory, which won Kahneman the 2002 Nobel Prize in Economics, shows that outcomes are evaluated against some reference point and that losses are more salient than gains of the same amount. Building on this tradition, in 2017, Richard Thaler won a Nobel prize for his work showing how these psychological findings pertain specifically to the worlds of finance and economics more generally. His research on mental accounting, the endowment effect, and choice architecture offers implementable solutions to our failing system of financial decision-making. Measures influenced by the insights of this approach, such as auto-enrollment in retirement programs, and simplified disclosure documents, have had practical success.

Key Behavioral Biases in Financial Decision-Making

Identifying areas where distinct behavioral biases take hold is critical to assist in developing successful financial strategies. Loss aversion is likely the strongest and most common of these biases, compelling investors to hang onto losing positions longer than they should, and to sell winning positions too soon. This bias, known as the disposition effect and one of the findings variedly attributed to Terrance Odean, leads to underperformance with respect to broad-market benchmarks. There is an emotional pain associated with this that makes one unable to assess from a logical point of view the prospects going forward, which results in poor tax consequences and missed opportunity to rebalance. Overconfidence takes various forms in financial decision-making. They tend to overestimate their stock picking abilities, their ability

to time the market or skill at gauging risk. The consequence is that this overconfident investor trade too much, fail to diversify and take on inappropriate levels of risk. Indeed, there is evidence that the most overconfident investors do the worst in the market as a result of their higher trading costs and worse timing. It also reinforces conceptual distinctions that block people from thinking about their money holistically. Perhaps investors hold low yield earning emergency savings while also holding high interest credit card debt, or they might psychologically value «found money» such as a tax refund differently than earned income. This compartmentalization results in inefficient usage of assets and leaves many opportunities for financial optimization untapped.

Table 1. Major Behavioral Biases and Their Financial Impact

Bias Category	Specific Manifestation	Financial Consequence	Prevalence
Loss Aversion	Holding losing investments too long	Average 50% longer holding period for losses	80% of investors
Overconfidence	Excessive trading frequency	3–7% annual underperformance	65% of active traders
Anchoring	Fixation on purchase price	Missed rebalancing opportunities	90% of investors
Herding	Following market trends	Buy high, sell low patterns	70% during volatility
Mental Accounting	Segregating money by source	Suboptimal overall allocation	85% of households

Market-Level Implications

Cognitive biases at the individual level combine into anomalies at the market level that contradict EMH's. Despite the fact that well documented momentum effects find that past winners continue to outperform in various markets and time periods, the low co-movement between high and low momentum and reversal portfolios creates a unique characteristic. Trend persistence shows that the market's response to information is not only slow, but also systematically biased, leading to a situation that behavioral-knowledgeable investors could exploit. Bubbles and crashes can be seen as the most extreme cases of collective behavioral biases. Overconfidence and social proof were elements of the dot-com bubble that lead to valuations far exceeding whatever a rational model would have allowed. Even the more mature cryptocurrency market has exhibited textbook bubble dynamics recently, as gains were driven by retail speculation, FOMO and social media hype rather than a fundamental analysis. The equity premium puzzle the excess rate of return on stocks over those on bonds, which is much greater than is warranted by traditional risk

models can also be explained by behavioral arguments. Perhaps myopic loss aversion, that is, when investors update their perception of the probability of facing future losses too frequently and therefore overreact to short term stock market volatility, is the reason that makes so many investors willing to pay an excessive premium to bear risk in the equity market.

Practical Strategies for Behavioral Improvement

Avoiding behavioral pitfalls in finance has two preconditions: recognizing behavioral biases, and tackling them with systematic programs. Pre-commitment mechanisms like automatic rebalancing and dollar-cost averaging eliminate the necessity of making decisions during emotional markets. These mechanical strategies are successful not by maximizing returns in a strict mathematical sense, but by not letting behavioral mistakes be made at a cost. Yet another behavioral innovation that fits with the way people think about money is goal-based financial planning. Instead of trying to find a one-size-fits-all optimal portfolio, one could develop distinct strategies for distinct objectives that move with, rather than against, our mental accounting proclivities. When investments are placed in the context of a goal — retirement, education, legacy. it is easier for a client to grasp and stick to a long- term plan. Advisors can help promote disciplined strategies and prevent investors from emotional trading, and thus technology also begins to function as a behavioral aide. Account- consolidating apps mitigate against mental accounting while automatic savings plans capture the overall win-win solution, as inertia is at last harnessed for good. Information overload and the possibility of engaging in impulsive trading are among the ways in which technology can also aggravate biases and, as such, it should be carefully designed in order to foster desirable behaviors.

The Evolving Role of Financial Advisors

Advisors that comprehend behavioral finance can provide value above and beyond what an advisor or traditional portfolio management alone can bring to the table. The best advisors know they are not simply technical experts, but also behavior coaches. This includes being aware of each client's biases, teaching about psychological proclivities, and creating plans that incorporate predictable behavior. Behavioral coaching is not the same as standard financial planning and requires differing skill sets. They need to have conduct emotional intelligence, communication skills, and be willing to provide a market sensitive, or down market, hand-holding service to their clients. The value proposition goes from outperforming to helping clients achieve their objectives by not making behavioral errors. Research finds that behavioral coaching can add an additional 1–2% in annual client returns by significantly enhancing client decision making.

Table 2. **Behavioral Finance Integration in Advisory Practice**

Traditional Approach	Behavioral Enhancement	Implementation Method	Measured Impact
Risk Questionnaire	Behavioral Risk Assessment	Scenario-based questions, loss framing	40% better risk alignment
Performance Reporting	Reference Point Management	Personal benchmark tracking	60% reduction in panic selling
Asset Allocation	Goals-Based Bucketing	Mental account alignment	25% better plan adherence
Rebalancing	Contrarian Rebalancing	Sentiment-triggered alerts	1.5% annual alpha
Client Communication	Behavioral Coaching	Proactive bias education	50% fewer emotional trades
Investment Selection	Behavioral Screening	Avoiding behavioral traps	0.8% expense reduction

Other examples include institutional money managers that use behavioral insights in their own work: “smart beta” strategies that systematically exploit behavioral anomalies; and “factor investing” that attributes persistent mispricing’s to behavioral biases of groups of people; large asset managers now have behavioral finance experts on staff to analyze how predictable mistakes by investors can create opportunities. Behavioral concepts have also penetrated corporate finance: the design of executive compensation has slowly incorporated concepts such as the reference dependence of framing effects and time preferences; corporations design employee stock purchase plans and retirement programs that take advantage of automatic enrollment and default options, which greatly increase participation rates and employee financial security.

Regulatory Evolution and Policy Applications

Most regulators around the world have understood that to have effective investor protection we must design regulations keeping in mind not the behavior of an ideal investor, but of an actual investor. The Financial Conduct Authority of the UK has been at the forefront of applying behavioral insights to regulation; however, the US Department of Labor’s fiduciary rule displays an awareness of how conflicts of interest dovetail with investor biases. The design of disclosure has altered from being concerned with providing a complete amount of information, to being about behaviorally-influenced communication. Standardized performance reporting and fee disclosure help investors make meaningful comparisons even if their processing capabilities are constrained. Cooling off periods and warning labels on complicated products recognize the fact that decisions made while under emotional duress are typically poor ones.

Future Directions and Emerging Applications

The capabilities at the fusion of behavioral finance and AI are likely to open new horizons in the study of financial decision making and on how to enhance it. Machine learning could be used to extract the unique behavioral patterns of individuals and to personalize interventions. Applying natural language processing across enormous data sets can extract sentiment in order to enable real time, market and security level sentiment indicators. Investments across environmental, social, and governance (ESG) dimensions are another opportunity that requires behavioral insights. The fact that evidence of performance is mixed, but that this kind of investing has grown so rapidly, can be partially understood if we understand how values and social preferences plays a role in our investment choices. The endeavor is to provide ESG strategies that meet psychological needs while not giving up performance on financial returns.

Conclusion

The application of behavioral finance to the creation of our investment policies is a major step forward in how to think about markets and investing. By recognizing the psychological components that play a role in financial decisions, we can design better strategies that operate in conjunction with, rather than opposition to, human nature. Unquestionably, behavioral biases do have a strong potential for affecting financial outcomes, offering a tale of both challenge and opportunity for both investors and advisors. For the individual investor, the take away is that awareness, by virtue of itself, is not enough, and that the only thing that can combat powerful psychological forces is systematic procedures and environment design. Automatic rebalancing, goals planning, and meeting with behaviorally trained adaptors are all pretty simple ideas that really can make long term results better. The intention is not to remove emotions from investing, but to instead, direct them in a productive manner. Advisors and planners will need to be know more about one's behavior, as well as the financial services and products. The future's best advisors will need to know markets very well, as well as human psychology very well. The discipline evolves, the learning must never stop and we need to be ready to adapt to new paradigms of behavioral finance as they come down the pipeline. Looking ahead, the fusion of behavioral finance research and technological advances will only further strengthen the ability of each to support better financial decision-making. This will be contingent upon whether the tools are generated and implemented in a manner to truly enhance the experience for the investor as opposed to preying on their behavioral tendencies. So long as behavioral finance remains committed to addressing the problems while maintaining a degree of respect for personal freedom, it will be a positive presence in the transformation of the financial services industry.

References:

1. Kahneman, D. (2011). *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux. <https://us.macmillan.com/books/9780374533557>
2. Odean, T. (1998). Are investors reluctant to realize their losses? *The Journal of Finance*, 53 (5), 1775–1798. <https://doi.org/10.1111/0022-1082.00072>
3. Barber, B. M., & Odean, T. (2000). Trading is hazardous to your wealth: The common stock investment performance of individual investors. *The Journal of Finance*, 55 (2), 773–806. <https://doi.org/10.1111/0022-1082.00226>
4. Benartzi, S., & Thaler, R. H. (2001). Naïve diversification strategies in defined contribution saving plans. *American Economic Review*, 91 (1), 79–98. <https://doi.org/10.1257/aer.91.1.79>
5. Shefrin, H., & Statman, M. (1985). The disposition to sell winners too early and ride losers too long: Theory and evidence. *The Journal of Finance*, 40(3), 777–790. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1985.tb05002.x>
6. Baker, M., & Wurgler, J. (2006). Investor sentiment and the cross-section of stock returns. *The Journal of Finance*, 61 (4), 1645–1680. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2006.00885.x>
7. Mullainathan, S., Noeth, M., & Schoar, A. (2012). The market for financial advice: An audit study. NBER Working Paper No. 17929. <https://www.nber.org/papers/w17929>
8. Grinblatt, M., & Keloharju, M. (2001). What makes investors trade? *The Journal of Finance*, 56 (2), 589–616. <https://doi.org/10.1111/0022-1082.00338>
9. Frazzini, A. (2006). The disposition effect and underreaction to news. *The Journal of Finance*, 61 (4), 2017–2046. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2006.00896.x>

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Отношение работников рекламной сферы к особенностям продвижения похоронного бизнеса в интернете (на примере сотрудников рекламного агентства Media Instinct Group)

Гречко Софья Игоревна, студент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются результаты авторского количественного социологического исследования, проведенного в марте 2025 года, среди сотрудников рекламной сферы. Целью данного исследования являлось выявление общественного восприятия и отношения к развитию похоронного бизнеса в онлайн-пространстве. Онлайн-опрос проводился среди работников рекламного агентства “Media Instinct Group”, что позволило взглянуть на такую табуированную и чувствительную тему с профессиональной стороны. Результаты исследования показали неоднозначное и консервативное отношение общества к рекламе в сфере ритуальных услуг.

Ключевые слова: интернет-маркетинг, реклама, продвижение, похоронный бизнес, ритуальные услуги.

Актуальность

Ключевым элементом исследования является понимание того, как современные технологии интернет-маркетинга влияют на рынок ритуальных услуг и какие новые возможности он создает для предпринимателей. Внедрение современных инструментов способствует высокой эффективности в продвижении бизнеса, несмотря на чувствительность и табуированность темы.

Несмотря на увеличение смертности в России, в первой половине 2024 года темпы роста рынка ритуальных услуг замедлились в денежном выражении до 8,4% год к году, до 52,6 млрд руб., против 9,7% годом ранее. Социум все чаще выбирают кремацию, которая обходится в среднем вдвое дешевле похорон в земле, и получают на такое погребение субсидии в муниципалитетах. В январе — июне 2024 года объем российского рынка ритуальных услуг вырос на 8,4% год к году, до 52,6 млрд руб., подсчитал «Ъ» на основе данных Росстата.

Динамика оказалась почти на уровне инфляции, достигшей в июне 8,59% в годовом выражении, и меньше прироста предыдущих лет.

По итогам первого квартала 2024 года в России зарегистрировано 195 компаний и индивидуальных предпринимателей, оказывающих ритуальные услуги, что на 60% меньше год к году. Интерес к похоронному делу со стороны бизнесменов рос в разгар пандемии из-за высокой смертности. Однако эксперты подчеркивают, что объективно оценивать ситуацию в ритуальном бизнесе сложно из-за весомой доли нелегального предпринимательства [3].

В последние несколько лет рынок Интернет-маркетинга и рекламы показывает тенденции роста. Рынок маркетинга в соцсетях, в том числе ведения официальных аккаунтов во «ВКонтакте» и Telegram, по итогам 2024 года сравнивается с рынком медийной рекламы и достигнет 65,4 млрд руб. Аналитики связывают такую тенденцию с ростом инвестиций в социальные сети со стороны брендов, выпускающих контент для привлечения новой аудитории. Российский рынок маркетинга в соцсетях по итогам 2024 года вырастет на 35%, до 65,4 млрд руб., следует из имеющегося у «Ъ» исследования Ingate Group [1].

Таким образом, настоящая работа направлена на исследование эффективности и трудностей использования интернет-рекламы и других инструментов интернет-маркетинга в сфере похоронных услуг в России.

Методология исследования

Авторское исследование включает в себя количественный метод социологического анализа — онлайн-опрос. Опрос проводился с помощью платформы Yandex Forms. Полученные ответы были обработаны в программах Microsoft Excel и IBM SPSS Statistics.

В качестве респондентов выступили работники крупного рекламного агентства Media Instinct Group (MIG) [4]. Media Instinct Group — содружество самостоятельных, операционно управляемых и независимых друг от друга агентств, обладающих мощной стратегической и категорийной экспертизой в медиаиндустрии. Численность сотрудников MIG — около 1000 человек. Агентство базируется в Москве.

В ходе исследования было опрошено 179 сотрудников. Данные были обработаны с помощью программы SPSS IBM Statistics, что обеспечило их статистическую обработку и выявление ключевых тенденций. Визуальное представление результатов выполнено с использованием Microsoft Excel, что позволило продемонстрировать полученные данные. Ниже представлена информация, основанная на мнениях респондентов, и позволяет получить более комплексное представление о сфере похоронных услуг в России.

Выборка

Из паспортных данных 179 респондентов фиксировались параметры пола, возраста, стажа работа в сфере рекламы и уровня должности в организации.

Большинство участников опроса (78,2%) — женщины, мужчины составляют 21,8%. Это естественное распределение в данном случае, поскольку в рекламной сфере работает больше женщин, чем мужчин. В том числе в компании «Media Instinct Group» 70% работников — женщины. По возрасту преобладает группа от 18 до 22 лет (33,3%), далее идут 23–27 лет (24,4%) и 28–32 лет (16,1%). Сотрудники среднего возраста от 38 до 48 лет представлены минимально (10%). Это показывает, что основная аудитория исследования — женщины молодого возраста, что может влиять на восприятие темы. Четверть опрошенных (22,9%) имеют стаж 1–3 года в рекламе, 18,4% работают 3–6 лет, 15,1% работают менее полугода. От 6 до 10 лет в рекламной сфере работает 11,7%, от 10 до 15 лет — 10,6%, а самых опытных — около 8%. При этом наибольшая доля среди должностей у специалистов/менеджеров (28,3%), а также старших специалистов и старших менеджеров (18,3%) и чуть меньше ассистентов и младших специалистов (17,8%). Руководители группы — 13,9%: стажеров — 12,8%. Руководители отделов, аккаунт-директоров и генеральных директоров представлено минимально — высшего звена представлены минимально (около 9%).

Результаты исследования

Из всех респондентов только 6,1% хорошо знакомы с похоронными услугами, а большинство (35,8%) — поверхностно, что тоже влияет на результаты опроса (график 1).

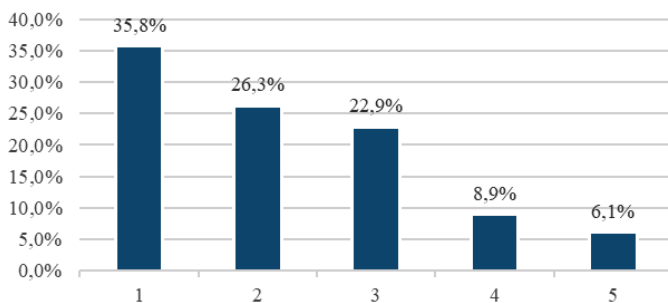

Рис. 1. Насколько хорошо Вы в целом знакомы со сферой похоронных услуг?

Интересно, что больше половины респондентов (60%) сталкивались лично с рекламой похоронных услуг либо что-то слышали о ней, и только 40% никаким образом с рекламой не контактировали (график 2).

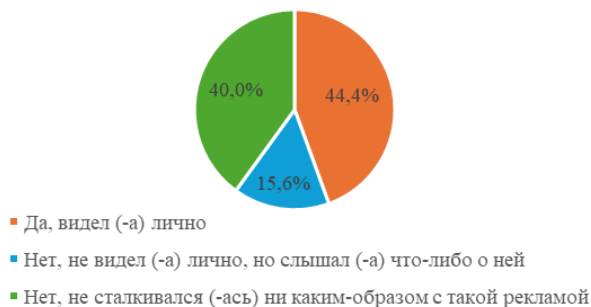

Рис. 2. Сталкивались ли Вы или не сталкивались когда-либо с рекламой похоронных услуг?

Среди тех, кто видел или слышал что-либо о рекламе ритуальных услуг, чаще всего респонденты сталкивались с уличными баннерами (29,6%), бумажными объявлениями (26,8%), интернет-баннерами (17,9%), а также блогами в социальных сетях — 16,2%. Телевизионная и телефонная реклама упоминались реже всего (5,6% и 1,7% соответственно).

Данные проиллюстрированы на графике 3:

Рис. 3. Если Вы видели рекламу похоронных услуг или что-либо слышали о ней, скажите, пожалуйста, что это была за реклама?

В основном у респондентов похоронный бизнес ассоциируется с коммерцией (48,3%) и с печалью (35%). В меньшей степени эта сфера воспринимается как спокойная (6,7%), служба поддержки (6,7%) и надежная (3,9%). То есть, у ритуального бизнеса в глазах людей преимущественно сохраняется негативный образ.

По мнению сотрудников рекламного агентства, сайты похоронных компаний (67,8%) и отзывы на специализированных платформах (49,4%) считаются наиболее эффективными площадками для продвижения ритуальных услуг в интернете, а также блоги людей, которые имеют опыт в организации похорон (43,9%). При этом блоги сотрудников ритуальных компаний считаются менее эффективными (37,2%). При этом SMS- и e-mail-рассылки (83,9% и 82,2% считают их неэффективными) и соцсети (39,4% оценивают негативно) воспринимаются плохо.

Ключевыми факторами доверия стали: честность работников (61,1%), этичность (67,2%), прозрачность цен (75%), качество услуг (83,9%), доступность информации (75,6%), эмпатия (57,8%) и положительные отзывы клиентов (43,9%). Разнообразие услуг и эффективная реклама оказались наименее значимыми факторами (22,2% и 16,7% соответственно). Это подчеркивает, что в ритуальной сфере первостепенны базовые ценности надежности, а не креативные подходы.

Респонденты четко обозначили приоритет этичных подходов в рекламе ритуальных услуг (график 4). Стратегия «осторожно и этично» лидирует с 23,7%, следом идет адресный подход «только когда нужно» (20,7%), а затем персонализированный — 13,3%. Социальная реклама (11,4%) и просветительские цели (8,8%) также получили поддержку. Примечательно, что провокационные методы — черный юмор (4,7%) и массовый охват без учета этики (1,9%) — оказались наименее популярными, что отражает запрос на тактичность в этой чувствительной сфере.

Рис. 4. Какие маркетинговые стратегии эффективно применять при рекламе похоронных услуг?

Далее были применены методы визуальной социологии. Респондентам предлагалось взглянуть на два примера рекламы похоронных услуг и выразить свое мнение. Эти примеры представлены на рисунках 5 и 6:

Рис. 5. Пример рекламы похоронного дома [2]

Опрошенные коротко описали свои ассоциации с представленной рекламой. Провокационная реклама вызвала преимущественно негативные реакции. Каждый четвертый (27,4%) отметил ее неуместность, 24,2% — пошлость и сексуализацию. Смешанные чувства (17,8%) и отвращение (12,3%) также преобладают. Лишь 5,9% оценили креативность, что подтверждает неготовность аудитории к экспериментальным форматам в данном контексте.

Примеры ответов сотрудников: неуместность и недопустимость («Это рекламная жуть, которую нельзя показывать людям в таком состоянии»); сексуализация и пошлость («некрофилия», «сексуализация смерти»); недоумение и смятение («не понимаю, как это реклама ритуальных услуг»); отвращение, агрессия и отторжение («мерзость», «глумление»); отсутствие связи с ритуальными услугами («похоже на рекламу духов, фотосессии, кино»); креатив, эстетика, смелость («эстетично, открыто, смело»); нейтральные («покой, комфорт»).

В случае со следующим примером респонденты решили, что в российском обществе креативная реклама похоронных услуг скорее будет воспринята негативно (66,7%), что подтверждается и результатами интервью с экспертами. Причем 36,1% ожидают резкого неприятия. Положительные оценки мини-

мальны (всего 3,3%). В обоснованиях доминируют аргументы о неуместности (23,2%), консерватизме общества (18,5%) и риске суицидальных ассоциаций (14,8%). Это свидетельствует, что подобные рекламные подходы не только неэффективны, но и социально опасны в российском контексте.

Рис. 6. Пример рекламы похоронного дома [2]

Примеры ответов сотрудников: неуместность и этичность («считаю, что похороны — это не тема для шуток»); черный юмор («считаю, что реклама может быть веселой, если смотреть на нее с иронией»); суицидальные ассоциации («с такой рекламой захочется шагнуть под поезд»); реакция общества («общество в большей степени консервативно, это не подходит для РФ»); позитивное восприятие («эффективная реклама, которая точно цепляет взгляд»); опасность для детей («такая реклама может представлять опасность, в частности для детей»); неясность и непонимание («не вызывает никаких эмоций, не остроумно, не сразу понятно»).

Заключение

В заключение исследования необходимо подчеркнуть существование неоднозначной и весьма настороженной реакции общества по отношению к рекламе ритуальных услуг, что свидетельствует о сложной социальной атмосфере и необходимости внимательного подхода к таким коммуникациям. Общество не готово к открытому и креативному подходу, и лишь меньшая часть респондентов позитивно воспринимала экспериментальные форматы. В случае с про-

движением похоронного бизнеса рекламные эксперты предпочитают видеть публикации только тогда, когда им необходимы эти услуги. Пиар должен быть осторожным, консервативным, честным и эмпатичным.

Литература:

1. Бизнес подписался на рекламу. Маркетинг в соцсетях растет опережающими темпами. — Текст: электронный. — DOI отсутствует. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7247342> (дата обращения: 09.11.2024).
2. «Привлечь клиентов в похоронный дом». Продвигаем услуги с отрицательным спросом. — Текст: электронный. — URL: <https://www.cossa.ru/216/217365/> (дата обращения: 12.05.2025).
3. Ритуальное замедление. Рынок похоронных услуг снизил скорость роста. — Текст: электронный. — DOI отсутствует. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6904222> (дата обращения: 09.11.2024).
4. Media Instinct Group. URL: <https://mediainstinctgroup.ru>

Механизмы продвижения спортивных мероприятий в локальных сообществах на примере Лиги марафонов БРИКС

Жданова Елизавета Евгеньевна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье автор рассматривает механизмы продвижения спортивных мероприятий в локальных сообществах на примере Лиги марафонов БРИКС.

Ключевые слова: локальные сообщества, продвижение, спортивные мероприятия, Лига марафонов БРИКС.

Современная городская среда демонстрирует устойчивый рост интереса к массовым спортивным мероприятиям: забегам, марафонам и фестивалям здоровья.

По данным платформы Russia Running, в 2024 году в России было произведено 475 299 регистраций в категории «бег». Спортсмены зарегистрировались на 1082 события на платформе. Если посмотреть на весь рынок в России, получится почти миллион регистраций на 3,5 тысячи событий. [1]

При этом большинство бегунов (87%) занимается самостоятельно и не состоит в беговых клубах — сообществах и школах, позволяющих систематически готовиться к стартам и заниматься с тренером удаленно и на групповых занятиях.

Беговой клуб — это обычно объединение с названием и логотипом, определенной философией и подходом к тренировкам. Занятия наедине с тренером — это один формат, а вот причисление себя к клубу, участие в забегах под единым названием и в клубной форме — совсем другой.

Количество бегунов, состоящих в клубах, за 5 лет увеличилось в 2,5 раза в абсолютных значениях, однако доля клубных бегунов среди всех спортсменов снизилась с 15,31% в 2020 году до 12,98% в 2024 году.

Развитие массовых спортивных мероприятий в современных условиях обусловлено не только ростом популярности здорового образа жизни, но и необходимостью формирования локальных сообществ, объединенных общими ценностями.

В 2024 году была создана Лига марафонов БРИКС. Она представляет собой международный спортивный проект, инициированный с целью объединения крупнейших марафонских забегов России — Московского марафона, марафона «Белые Ночи» в Санкт-Петербурге и Казанского марафона — с перспективой расширения до аналогичных мероприятий в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка и новые участники).

Создание Лиги марафонов БРИКС преследует несколько стратегических целей, отражающих как спортивные, так и социально-культурные приоритеты объединения.

Во-первых, проект направлен на развитие лёгкой атлетики как массового и профессионального вида спорта. Объединяя соревнования высокого уровня, Лига устанавливает единые стандарты проведения марафонов, что способствует повышению их качества и конкурентоспособности.

Во-вторых, Лига ориентирована на укрепление культурного и туристического обмена между странами БРИКС. Марафоны, проходящие в таких знаковых городах, как Москва, Санкт-Петербург и Казань, подчёркивают уникальные исторические и культурные особенности регионов, привлекая внимание международной аудитории.

В-третьих, проект соответствует более широким целям объединения БРИКС, включая укрепление многополярного мира и развитие альтернативных форматов международного сотрудничества. В условиях ограничений на участие российских спортсменов в некоторых глобальных соревнованиях Лига мара-

фонов БРИКС становится инструментом усиления спортивных связей внутри объединения, предлагая независимую платформу для атлетов и организаторов. Поддержка Министерства спорта РФ подчёркивает государственный интерес к инициативе как к средству повышения престижа страны на международной арене.

Феномен Лиги заключается в том, что это не просто спортивное объединение, а платформа для развития бегового спорта, туризма, культуры и экономических связей.

11-й Казанский марафон, который состоялся 3–4 мая 2025 года, преодолел планку в 35 тысяч регистраций. [2]

По словам основателя и директора Казанского марафона и серии TIMERMAN Вадима Янгирова, «такому интересу, безусловно, способствует и положительная волна юбилейного Казанского марафона, и наша интеграция в лигу марафонов БРИКС, и огромная поддержка партнеров, которых у нас становится все больше». [3]

Московский марафон продемонстрировал значительный рост числа участников, как и марафон «Белые Ночи» в Санкт-Петербурге. Объединение в рамках Лиги марафонов БРИКС функционирует не как элемент конкурентной борьбы, а как платформа для взаимного продвижения: на официальных страницах каждого забега в социальных сетях публикуются анонсы и отчёты о других мероприятиях Лиги. Так, в группе Московского марафона регулярно освещаются ключевые моменты Казанского забега, а на старте в Москве открываются регистрационные слоты для участия в Казани.

Участникам, успешно преодолевшим два из трёх или все три марафона Лиги, гарантированы специальные сувениры и подарки.

Помимо высокого уровня организационного и сервисного обеспечения, туристических пакетов и расширенной спортивно-досуговой программы для всей семьи, каждому участнику Лиги предоставляется:

- памятный знак-финишер при завершении второго из трёх забегов;
- приглашение на гала-ужин в целях укрепления бегового сообщества.

Для спортсменов категории «элита» предусмотрен отдельный пакет welcome-сервиса с расширенными привилегиями:

1. предоставление пейсмейкеров на маршруте;
2. повышенный призовой фонд и система поощрительных бонусов за результаты;
3. возможность включения в мировые рейтинги (World Ranking);
4. официальная фиксация национальных рекордов. [4]

Анализ тенденций массового бегового движения в России показывает стремительный рост интереса к спортивным мероприятиям: за 2024 г. количество регистраций на забеги приблизилось к миллиону. В таких условиях создание Лиги марафонов БРИКС выступает инструментом формирования и укрепления локальных сообществ, комбинируя преимущества институционализованного сотрудничества и гибких маркетинговых решений.

Литература:

1. Спортивные события. — Текст: электронный // Russia Running: [сайт]. — URL: <https://russiarunning.com/Home> (дата обращения: 19.05.2025).
2. «Отчёт о числе участников». — Текст: электронный // Telegram-канал Казанский марафон: [сайт]. — URL: https://t.me/kazan_run/722 (дата обращения: 23.05.2025).
3. Рекордный ажиотаж: 11-й Казанский марафон преодолел планку в 20 тысяч регистраций. — Текст: электронный // Официальный сайт Министерства спорта Республики Татарстан: [сайт]. — URL: <https://minsport.tatarstan.ru/index.htm/news/2389812.htm> (дата обращения: 14.03.2025).
4. Лига марафонов России. — Текст: электронный // Лига марафонов БРИКС: [сайт]. — URL: <http://brics.run/> (дата обращения: 09.06.2025).

МЕНЕДЖМЕНТ

Эмоциональный интеллект в охране труда: как управление эмоциями снижает производственный травматизм

Зильберман Анастасия Сергеевна, руководитель отдела производственной безопасности

ООО «Деловой союз» (г. Москва)

В статье исследуется роль эмоционального интеллекта в системе охраны труда. Анализируются ключевые механизмы влияния эмоционального интеллекта на снижение производственного травматизма, включая способность к самоконтролю, развитие эмпатии и эффективное управление стрессовыми ситуациями. Приводятся результаты практического внедрения программ развития эмоционального интеллекта на промышленных предприятиях, демонстрирующие снижение количества инцидентов, улучшение психологического климата и значительную экономическую эффективность. Особое внимание уделяется интеграции эмоционального интеллекта в систему управления охраной труда через обучение персонала, «эмоциональные аудиты» и применение современных технологий (биометрические датчики, AI-аналитика). Статья подтверждает, что развитие эмоционального интеллекта трансформируется из вспомогательного инструмента в стратегический ресурс управления профессиональными рисками.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, охрана труда, промышленная безопасность, производственный травматизм, культура безопасности, стресс-менеджмент, эмпатия, биометрический мониторинг, искусственный интеллект в охране труда.

Emotional intelligence in occupational safety: how emotion management reduces workplace injuries

The article examines the role of emotional intelligence in the occupational safety system. The key mechanisms of the influence of emotional intelligence on the reduction of occupational injuries, including the ability to self-control, the development of empathy and effective management of stressful situations, are analyzed. The results of the practical implementation of emotional intelligence development programs in industrial enterprises are presented, demonstrating a reduction in the number of incidents, an improvement in the psychological climate and significant economic efficiency. Special attention is paid to the integration of emotional intelligence into the occupational health and safety management system through staff training, “emotional audits” and the use of modern technologies (biometric sensors, AI analytics). The article confirms that the development of emotional intelligence is transformed from an auxiliary tool into a strategic resource for professional risk management.

Keywords: *emotional intelligence, occupational safety, industrial safety, occupational injury, safety culture, stress management, empathy, biometric monitoring, artificial intelligence in occupational safety.*

Охрана труда долгое время фокусировала свое внимание на технических аспектах: защитных барьерах, автоматизации, контроле за соблюдением инструкций. Но несмотря на широкое применение традиционных методов охраны труда (инструктажи, средства индивидуальной защиты и соблюдение нормативных требований), человеческий фактор продолжает оставаться основной причиной производственного травматизма. Как отмечают эксперты Международной организации труда, до 80% несчастных случаев на производстве связаны с ошибками персонала, вызванными стрессом, усталостью, конфликтами в коллективе, импульсивными действиями в критических моментах [1]. В последние годы внимание исследователей привлекает роль эмоционального интеллекта в формировании культуры безопасности.

Современные исследования демонстрируют, что уровень развития эмоционального интеллекта сотрудников и руководителей существенно влияет на соблюдение правил безопасности, качество принятия решений в аварийных ситуациях, формирование позитивного психологического климата в коллективе [2].

В данной статье анализируются ключевые механизмы влияния эмоционального интеллекта на показатели безопасности труда, рассматриваются практические методы развития эмоционального интеллекта среди персонала

и приводятся примеры успешного внедрения соответствующих программ на промышленных предприятиях.

Эмоциональный интеллект (ЭИ, Emotional Intelligence, EI) представляет собой психологическую конструкцию, включающую следующие ключевые компоненты [3, с. 3–31]:

1. Способность к идентификации и пониманию собственных эмоциональных состояний.
2. Навык распознавания эмоций других людей.
3. Умение регулировать собственные эмоциональные реакции.
4. Способность использовать эмоциональную информацию для эффективного принятия решений и управления поведением [2, с. 317].

В контексте охраны труда эмоциональный интеллект приобретает особое значение как профессионально важное качество, обеспечивающее осознанный контроль стрессовых факторов производственной среды, профилактику рискованного поведения, связанного с эмоциональной нестабильностью, формирование культуры безопасности через эффективную межличностную коммуникацию [4, с. 12].

Эмоциональный интеллект оказывает существенное влияние на уровень производственной безопасности через несколько ключевых механизмов. Одним из наиболее значимых является способность к самоконтролю, которая позволяет работникам избегать импульсивных нарушений правил безопасности. Как показывают исследования, сотрудники с развитым эмоциональным интеллектом реже совершают опасные действия под влиянием усталости, раздражения или паники [2, с. 82–84].

Ярким примером эффективности этого механизма служит реализованная в 2020–2022 гг. на Челябинском металлургическом комбинате программа [5]. В рамках комплексного подхода к повышению безопасности труда предприятие внедрило серию специализированных тренингов по управлению гневом и эмоциональной саморегуляции для работников «горячих» цехов. Эта программа включала:

- практические тренинги по техникам эмоциональной саморегуляции в стрессовых ситуациях;
- кейс-стади реальных производственных инцидентов, вызванных эмоциональными факторами;
- индивидуальные коучинговые сессии для сотрудников группы риска;
- мониторинг эмоционального состояния через wearables-технологии.

По данным годового отчета предприятия число нарушений техники безопасности, связанных с эмоциональными факторами, снизилось на 40%, количество конфликтных ситуаций в коллективе уменьшилось на 35%, а показатели своевременного сообщения об опасных ситуациях повысились на 28%. Соответственно были сокращены затраты на ликвидацию последствий аварий, уменьшились простои оборудования, и снизилась текучесть кадров в целевых подразделениях.

Другим ключевым механизмом, влияющим на уровень производственной безопасности, является эмпатия как компонент эмоционального интеллекта. Сотрудники, способные распознавать эмоциональное состояние коллег, чаще предупреждают потенциально опасные действия и создают атмосферу открытости в обсуждении вопросов безопасности [3, с. 112–115].

Это подтверждается масштабным исследованием, проведенным в 2018–2019 гг. в нефтедобывающем подразделении BP в Северном море (Clair Ridge project). В рамках программы «Empathy for Safety» были проанализированы 87 рабочих коллективов (всего 1240 сотрудников). Исследование включало комплексную диагностику уровня эмпатии персонала, стандартизированные тесты, оценку социальных навыков, анализ коммуникаций в рабочих чатах. Компания сделала выводы о том, что у коллективов с высоким уровнем эмоционального интеллекта было меньше инцидентов, а группы с развитой эмпатией чаще общались о потенциально опасных ситуациях. Также в «эмпатичных» бригадах время реакции на аварийные ситуации было меньше. По результатам этого исследования в компании была внедрена система «Buddy Check» — ежесменная проверка эмоционального состояния коллег, были разработаны тренинги «Emotional First Aid» для руководителей среднего звена, создана цифровая платформа для анонимного обсуждения стрессовых факторов [6]. Последующий мета-анализ 2022 года подтвердил устойчивость результатов: аналогичные программы в Exxon и Shell дали сопоставимые показатели снижения количества инцидентов. Эти результаты легли в основу отраслевого стандарта OPIТО по эмоциональной компетентности для нефтегазовых специалистов.

Также особое значение имеет уровень эмоционального интеллекта руководителей. Менеджеры с развитым эмоциональным интеллектом эффективнее мотивируют подчиненных соблюдать стандарты безопасности, своевременно выявляют опасные поведенческие тенденции в коллективе и способствуют снижению стрессовой нагрузки [4]. Так, в 2020–2021 гг. немецкая строительная компания Bauer Construction Group провела масштабную трансформацию системы управления безопасностью, сделав акцент на развитии эмоциональ-

ных компетенций руководителей, способности распознавать эмоциональные риски и эффективно коммуницировать в кризисных ситуациях, что привело к впечатляющим результатам в области повышения производственной безопасности. За год реализации программы количество сообщений о потенциально опасных ситуациях увеличилось в три раза, что свидетельствует о создании открытой культуры безопасности. Количество инцидентов сократилось, персонал стал активнее участвовать в улучшении системы безопасности. Данный кейс Bauer Construction Group стал эталонным для строительной отрасли, демонстрируя, что инвестиции в развитие эмоционального интеллекта менеджеров дают комплексный эффект — от повышения безопасности до экономии значительных средств [7]. Это исследование подтверждает тезис о необходимости «top-down» подхода в трансформации системы управления охраной труда, когда изменения начинаются с руководящего состава и постепенно распространяются на все уровни организации.

В условиях чрезвычайных ситуаций эмоциональный интеллект становится критически важным фактором безопасности. Способность сохранять ясность мышления, следовать протоколам и поддерживать коллег значительно повышает шансы на благополучный исход. Данные исследований в авиационной отрасли свидетельствуют, что пилоты с высоким уровнем эмоционального интеллекта на 70% эффективнее справляются с нештатными ситуациями [8].

Развитие эмоционального интеллекта для нужд охраны труда требует комплексного подхода, сочетающего обучение персонала, системные изменения в управлении охраной труда и внедрение современных технологий. Эффективные программы обучения должны включать специализированные тренинги по распознаванию эмоциональных состояний, где работники учатся выявлять признаки усталости, стресса или эмоционального выгорания у себя и коллег по невербальным сигналам — мимике, жестам, тембру голоса [9]. Особую ценность представляют ролевые игры, моделирующие конфликтные или аварийные ситуации, которые позволяют отработать навыки эмоциональной саморегуляции в безопасной учебной среде [4]. Дополнением служат медитативные практики и техники mindfulness, доказавшие свою эффективность в снижении уровня стресса среди работников опасных производств [10].

Интеграция эмоционального интеллекта в систему управления охраной труда предполагает структурные изменения. Одним из перспективных подходов является включение оценки уровня эмоционального интеллекта в процедуры допуска к работам повышенной опасности, что уже практикуется в некоторых нефтегазовых компаниях [11]. Регулярные «эмоциональные аудиты»

коллектива помогают выявлять скрытые стресс-факторы и психологическую напряженность до того, как они приведут к нарушениям безопасности [12]. Крайне важно создавать культуру, поощряющую открытое обсуждение ошибок без страха наказания. Исследования показывают, что такие организации демонстрируют на 30–40% лучшие показатели безопасности [13].

Современные технологии предлагают инновационные инструменты для развития эмоционального интеллекта в охране труда. Биометрические датчики, отслеживающие частоту сердечных сокращений, вариабельность пульса и другие физиологические параметры, позволяют объективно оценивать уровень стресса работников в реальном времени [14]. Системы на основе искусственного интеллекта анализируют голос и мимику операторов, своевременно сигнализируя о признаках усталости или эмоциональной перегрузки [15].

Эмоциональный интеллект трансформируется из второстепенного «мягкого навыка» в критически важный инструмент обеспечения производственной безопасности, что подтверждается многочисленными исследованиями последних лет. Компании, системно внедряющие программы развития эмоционального интеллекта, демонстрируют устойчивое снижение уровня производственного травматизма: по данным Международной ассоциации социального обеспечения (ISSA), в среднем на 25–40% в течение трех лет после начала реализации таких программ [16, с. 45–48]. Параллельно отмечается значительное улучшение психологического климата в коллективах, что проявляется в повышении уровня доверия, открытости коммуникации и готовности сотрудников сообщать о потенциально опасных ситуациях [3].

Финансовая эффективность инвестиций в развитие эмоционального интеллекта подтверждается исследованиями Harvard Business Review: компании, внедрившие комплексные программы эмоционального интеллекта, фиксируют сокращение затрат, связанных с производственным травматизмом, в среднем на 18–22% ежегодно [17]. Это достигается за счет уменьшения простоев, снижения страховых выплат и избежания штрафов за нарушения требований охраны труда.

Перспективным направлением является интеграция технологий искусственного интеллекта для оценки и развития эмоционального интеллекта персонала. Как показывают пилотные проекты в автомобильной и авиационной промышленности, сочетание традиционных методов обучения с AI-аналитикой позволяет достичь синергетического эффекта и ускорить формирование устойчивых навыков эмоциональной саморегуляции [18]. Таким образом, эмоциональный интеллект становится не просто дополнительной компетенцией, а фундамен-

тальным элементом современной системы управления профессиональными рисками.

В заключении стоит отметить, что инвестиции в эмоциональный интеллект персонала становятся стратегическим ресурсом, обеспечивающим не только безопасность, но и устойчивое развитие предприятий в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Safety and Health at Work. — International Labour Organization, 2022.
2. Goleman, D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ / D. Goleman. — N. Y.: Bantam Books, 1995.
3. Mayer, J. D. What is emotional intelligence? / J. D. Mayer, P. Salovey // Emotional Development and Emotional Intelligence: Educational Implications. — New York: Basic Books, 1997. — P. 3–31.
4. Occupational Safety and Health Administration (OSHA). Emotional Intelligence in Workplace Safety: Research Report. — Washington: U. S. Department of Labor, 2019.
5. Petrov, A. Emotional Risk Mapping in Heavy Industry: Case Study of Chelyabinsk Metallurgical Plant / A. Petrov, E. Sidorova // Safety Management Journal. — 2018. — Vol. 12 (3). — P. 45–52.
6. Internal Safety Report. BP North Sea Division. — 2019.
7. Bauer Construction Group Case Study. — 2021.
8. Boeing Aviation Safety Report. — 2022.
9. Ekman, P. Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings / P. Ekman. — NY: Holt, 2003.
10. Kabat-Zinn, J. Mindfulness-Based Stress Reduction / J. Kabat-Zinn // J. of Behavioral Medicine. — 2019. — Vol. 12 (3). — P. 34–38.
11. Shell Global. Emotional Intelligence in Safety-Critical Roles. — London, 2021. — P. 12–15.
12. Bauer, A. Emotional Audits in Construction Industry / A. Bauer // Safety Science. — 2022. — Vol. 156. — P. 78–82.
13. Edmondson, A. The Fearless Organization / A. Edmondson. — Wiley, 2018. — P. 91–95.
14. MIT Technology Review. Biometric Monitoring in Workplace. — 2023.
15. IBM Watson AI Applications in OSH. — NY, 2022.

16. International Social Security Association. Emotional Intelligence in OSH: Global Benchmarking Report. — Geneva: ISSA Publications, 2023.
17. Goleman, D. The Financial Impact of Emotional Intelligence / D. Goleman, R. Boyatzis // Harvard Business Review. — 2021. — 99 (5). — P. 78–85.
18. MIT Sloan Management Review. AI for Emotional Skills Development. — 2023. — Vol. 64 (3). — P. 56–61.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Правовые пробелы в регулировании лоббизма в России и их влияние на коррупционные риски

Давыденко Александра Вячеславовна, студент магистратуры

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье рассматриваются пробелы правового регулирования лоббистской деятельности в России. Отсутствие четкого законодательного закрепления понятия лоббизма, механизмов его осуществления и контроля за деятельностью лоббистов создают предпосылки для потенциальных коррупционных злоупотреблений. Автор анализирует существующие правовые пробелы, сравнивает российский опыт с регулированием этого вопроса в США, и рассуждает над мерами по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: лоббизм, институт лоббизма, лоббистская деятельность, GR-деятельность, коррупция, правовое регулирование.

Лоббизм как инструмент взаимодействия бизнеса и власти играет важную роль в современном государственном управлении и является его неотъемлемой частью. Вместе с тем в современной российской правовой системе существует парадокс: при неурегулированном правовом статусе тенденция его практического влияния на политико-правовой процесс растет и соответствует странам, в которых этот институт закреплен на законодательном уровне. Это приводит к неконтролируемому влиянию заинтересованных групп на принятие важных политических решений, что повышает коррупционные риски.

Проблема исследования данной темы заключается в том, что, несмотря на активное обсуждение лоббизма в научной среде, российский законодатель избегает его легализации, опасаясь увеличения «законных» коррупционных каналов влияния. При этом стоит брать во внимание, что специальный закон о лоббизме или поправки, отражающие и называющие его, в существующие законы, не станут актом поощрения коррупции, а будут способом ее контроля,

создания законодательных ограничений для коммуникации политиков с лоббистами и повышения прозрачности государственных решений.

В мировой практике, а также в российской научной среде лоббизм понимается как процесс влияния заинтересованных групп (бизнеса, некоммерческих организаций, общественных объединений, специалистов в области лоббизма — именуемых в отечественной практике GR-специалистами — и других) на органы власти с целью отражения частных интересов и принятия выгодных решений [5, с. 19]. Иными словами, профессиональное продвижение интересов третьей стороны в структуры государственной власти.

Во многих западных демократических странах лоббистская деятельность, как правило, легализована и регулируется отдельными нормативно-правовыми актами, которые, в свою очередь, опираются на конституционное право граждан обращаться к своему правительству. В США, где лоббизм является влиятельным институтом власти, основой его правового регулирования считается Foreign Agents Registration Act (FARA). Во время издания в 1938 году он был направлен на контроль иностранных агентов влияния. В 1946 году был принят Закон законодательной реорганизации и в дополнение к нему Закон о регулировании лоббизма [1, с. 202], который обязывал лиц, ведущих деятельность с целью влияния на ход нормотворческого процесса в США, регистрировать себя, указывая также лиц, в интересах которых они действуют [4, с. 124]. Сейчас правовая база американского лоббизма охватывает и лоббирование из-за рубежа, и внутреннее.

Сравнивая с российской правовой системой, вышеупомянутые американские нормы по духу схожи с российским федеральным законом «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № 255-ФЗ. Так, следуя указанному закону, физические и юридические лица, получающие иностранное финансирование и занимающиеся «политической деятельностью», обязаны регистрироваться как «иностранные агенты» [7, ст. 4]. Оба закона направлены на прозрачность деятельности субъектов, действующих в интересах иностранных государств или организаций. Формально положения данного федерального закона могут быть адаптированы под правовое регулирование лоббизма при условии разграничения понятий между «иностранным агентом» и «лоббистом». Однако, действующая редакция российского закона ориентирована на контроль, а не на легализацию взаимодействия с «иноагентами». Как итог, при формальном сходстве законы функционируют в разной правовой и политической среде, поэтому трансформация российского закона «об иностранных агентах» в правовую основу для закона о лоббистской дея-

тельности представляется маловероятным, но может перенять определенные элементы, например, реестр лоббистов и их обязательную отчетность.

Хотя в российском законодательстве название лоббистской деятельности не приводится, ряд федеральных законов, в частности антикоррупционных и о государственной службе, косвенно регулируют ее: Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ, Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ, Федеральный закон «Об обязательных требованиях в РФ» от 31.07.2020 № 247-ФЗ, Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ, Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2025 № 224-ФЗ. При этом основой для диалога общества и власти является Конституция Российской Федерации, а именно «право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [6, ст. 33] и «право [Граждан Российской Федерации] участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» [6, ст. 32].

Устойчивые каналы коммуникации между бизнесом и властью также оформляются посредством участия представителей *крупного* бизнеса в официальных обсуждениях законопроектов через процедуру оценки регулирующего воздействия (ОРВ); участия в механизме «регуляторной гильотины» в целях улучшения бизнес-климата; представления бизнес-интересов через такие объединения как Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), Торгово-промышленную палату (ТПП), «Деловую Россию», «Опору России». Однако в условиях конкуренции у представителей *малого* бизнеса возникают трудности во включении в такую деятельность. Государственные служащие, со своей стороны, законодательно ограничены в неформальных связях с целью получения выгоды, а также в совмещении коммерческой деятельности и госслужбы.

Тем не менее, следуя особой политической культуре, бизнес сохраняет неформальные контакты и договоренности через личные связи с чиновниками [5, с. 154]. В целом, можно говорить о том, что лоббизм характеризуется скорее неявными практиками, слабо подчиняющимися формальному контексту, хотя и существующими в рамках законов. Рассматривая данное явление в широком смысле через междисциплинарный подход, сказать однозначно о необходимости обязательного правового регулирования невозможно ввиду разнообразия

форм взаимодействия. Тем не менее, если лоббизм переходит на уровень политической коммуникации, и на выходе принимаются государственные решения, регламентация такой деятельности представляется необходимой.

Более того, в отсутствие правового регулирования лоббизма вышеупомянутые схемы коммуникации могут превратиться в основной метод взаимодействия, что непременно будет оценено общественностью как завуалированная коррупция. Такая тенденция, в свою очередь, может стать барьером для принятия решения об институционализации лоббизма в целом, хотя правовые попытки сокращения «теневых» практик в лоббистской деятельности могут быть весьма успешными.

Тем самым, в развитие правового регулирования лоббизма следует сделать пессимистичную оговорку о том, что полноценно урегулировать эту сферу будет почти невозможно, а излишний контроль и вовсе может привести к еще большему уклонению от прозрачности. Более эффективным представляется выстраивание системы стимулов для добровольного раскрытия информации, а также создание регламентированных правил, которые, с одной стороны, обеспечат легитимность лоббистских практик, а с другой — минимизируют риски коррупционных злоупотреблений.

В научной литературе авторы не видят перспективы институционализации лоббизма, так как в обществе нет соответствующего запроса, а специальные регламенты вряд ли остановят тех, кто привык к неправовым методам воздействия [5, с. 155]. Последнее подтверждается и словами С. В. Васильевой: «грань между цивилизованным и нецивилизованным лоббизмом проявляется не на бумаге, а в конкретных действиях политиков и чиновников, имеющих, либо не имеющих корыстную составляющую» [2, с. 116]. Более того, понятие «лоббизма» имеет негативное восприятие как у госслужащих, так и в массовом сознании, что осложняет процесс правового закрепления [3, с. 81], поэтому прежде необходима работа над имиджем.

В то же время в развитие институционализации лоббизма экспертами предлагается на первоначальном этапе «легитимизировать отрасль и профессию специалиста по взаимодействию с органами государственной власти на уровне всех возможных государственных органов» [3, с. 81] как минимум для формулирования рамок профессиональной деятельности и своеобразного «кодекса поведения».

Таким образом, отсутствие конкретного правового регулирования лоббистской деятельности в России — неслучайное явление в современных российских реалиях из-за специфики взаимодействия власти и бизнеса. Тем не менее, это создает пространство для трансформации лоббистских практик в коррупцион-

ные схемы. В этой связи развитие системы правового регулирования лоббизма в России, а также избавление от негативного образа вокруг него — важный шаг к снижению коррупционных рисков, «теневых» практик и повышению доверия к системе принятия государственных решений.

Литература:

1. Агапов И. О. Американская модель правового регулирования лоббирования / И. О. Агапов // Актуальные проблемы российского права. — 2015 — № 10.
2. Васильева С. В. Цивилизованный лоббизм — средство или следствие борьбы с коррупцией / С. В. Васильева // Сравнительное конституционное обозрение — 2008 — № 4.
3. Георгян Г. И., Уринсон Я. М. / Г. И. Георгян, Я. М. Уринсон // Правовые основы и методы лоббизма в отечественной и зарубежной практике, журнал «БИЗНЕС. ОБЩЕСТВО. ВЛАСТЬ». — 2023 — № 4 (50).
4. Гильметдинова З. М. Лоббизм в российской и зарубежной практике / З. М. Гильметдинова // Вестник Казанского юридического института МВД России — 2014. — № 2 (16).
5. Диманс С., Левичева В. Лоббизм. Поиск институциональности / С. Диманс, В. Левичева // Ин-т «Справедливый мир». — М.: Ключ-С, 2022. — 272 с. — С. 155.
6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // опубликована в «Российской газете» от 25 декабря 1993 года. Текст Конституции с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, опубликован в «Российской газете» от 21 января 2009 г. № 7, в «Парламентской газете» от 23 января 2009 г. № 4, в Собрании законодательства Российской Федерации от 26 января 2009 г. № 4 ст. 445. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
7. Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № 255-ФЗ — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/

Проблемы гражданско-правового статуса юридических лиц публичного права

Котенкова Юлия Илековна, студент магистратуры

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу гражданско-правового статуса юридических лиц публичного права в условиях изменения правовой системы и смешения частных и публичных элементов. Рассматриваются исторические предпосылки возникновения института юридических лиц публичного права, включая римское право, а также современные подходы к регулированию их деятельности в России и зарубежных странах. Особое внимание уделяется коллизиям между частным и публичным правом, особенностям правосубъектности, субсидиарной ответственности и участию публичных юридических лиц в гражданском обороте. Отмечены сложности в правовом регулировании, вызванные неясностью статуса таких субъектов и отсутствием единого подхода в судебной практике. Выделяются отличительные черты публичных юридических лиц, их взаимодействие с государственными структурами, а также проблемы, связанные с ограничениями их правоспособности.

Ключевые слова: юридическое лицо публичного права, гражданско-правовой статус, частное право, публичное право, субсидиарная ответственность, правосубъектность, государственное регулирование, судебная практика, римское право, законодательство.

Исследование гражданско-правового статуса юридических лиц публичного права актуально вследствие сложности экономических отношений, усиления междисциплинарного подхода, смешивания частной и публичной сфер, изменений в правовой системе и неясности правового положения таких субъектов. Разногласия в определении их статуса создают трудности в классификации и установлении полномочий. Эти организации формируют квазимонополистические структуры, а их статус субъектов уголовного права остаётся открытым вопросом. По мнению В. Е. Чиркина, юридическое лицо существует как в частном, так и в публичном праве, охватывая большинство некоммерческих организаций, действующих ради общественного блага совместно с органами власти или оказывающих давление на них. О. А. Ястребов утверждает, что гражданская правоспособность таких лиц зависит от их публично-правовых характеристик, следовательно, изучение данной проблематики должно проводиться преимущественно в рамках административного права [1].

Е. А. Суханов отвергает введение термина «юридическое лицо публичного права», утверждая, что все организации действуют в рамках гражданского оборота на равных условиях, независимо от своего статуса. А. В. Венедиктов соглашается, подчеркивая, что разделение юридических лиц на публичные и частные создаёт ненужную путаницу, так как все они подчиняются нормам гражданского права. Таким образом, даже организации, действующие в общественных интересах и обладающие специальными полномочиями, остаются участниками гражданского оборота наравне с частными структурами [1].

Юридическое лицо публичного права — это государственная организация, выполняющая публичные функции, наделённая особыми полномочиями, имуществом и правами, действующая от имени государства и ответственная за свои действия. Пример — дело № А73–8309/2023, где ФГАУ «Росжилкомплекс» Минобороны привлекли к ответственности за долг по коммунальным услугам. Арбитраж признал злоупотребление правом, учитывая защищённость госимущества и позицию Конституционного суда (№ 23-П от 12 мая 2020). Учёные не пришли к единству мнения о природе ЮЛПП: одни утверждают о ненужности особой категории, другие подчёркивают специфику публично-правовых отношений. Понятие возникло ещё в римском праве, где различали нормы публичного и частного права [2].

И. С. Перетерский выделял защиту частных интересов отдельными лицами, противопоставляя её ограниченному вмешательству государства в публичных отношениях. В. С. Нерсесянц подчёркивал важность римской классификации частного и публичного права, хотя считал, что именно в Новое время сформировалась полноценная правовая система. В. В. Акинфиев акцентировал внимание на регулировании частным правом отношений между индивидуумами и семьями, в отличие от публично-правовых норм, направленных на общее благо римлян и основанных на коллективной воле общества [3].

Санфилиппо отмечал отсутствие абсолютного антагонизма между публичным и частным правом. Понятие юридического лица в Средневековье развивалось медленно под влиянием римского права, хотя практика постепенно расширяла его применение. Первую теорию предложил папа Иннокентий IV в 1245 году, а рост крупных компаний в XVI–XVII веках повысил значимость правового регулирования статуса юридических лиц.

Институт юридически закрепился в XIX веке усилиями немецких юристов, создавших Германское гражданское уложение, которое детализировало статус юридических лиц, основываясь на концепции перенесения физических прав

на юридические лица. Разработчики использовали идеи пандектистов и достижения К. Савиньи.

XX век ознаменовался ростом интереса к институту ввиду научно-технического прогресса. Советская система законодательства регулировала деятельность юридических лиц исходя из принципов плановой экономики и централизации управления. До революции российские ученые (Шершеневич, Анненков, Суворов) развивали понятие «юридическое лицо публичного права» [4].

Е. А. Суханов полагает, что понятие юридических лиц публичного права условно и применяется лишь в частных правоотношениях, тогда как В. Е. Чиркин подчеркивает наличие таких субъектов как в частном, так и публичном праве, включая госучреждения, органы власти и некоммерческие структуры, действующие совместно с государством [5].

Позиция вызывает критику О. Ю. Ускова как чрезмерно упрощённая. Правосубъектность юридических лиц публичного права характеризуется строгими законодательными ограничениями гражданских сделок, состава участников и ведения деятельности. Образование таких субъектов возможно исключительно специальным нормативным актом, минуя регистрацию и лицензирование. Юридические лица публичного права осуществляют свою деятельность под контролем государства либо выполняют общественные функции частного происхождения. Основная цель — реализация общественных задач, а не извлечение прибыли. Деятельность строго контролируется законом, имущество находится в собственности государства, распоряжения которым лимитируются. Формирование публичных организаций иницируется государством, в то время как создание частных базируется на учредительных документах. Государство контролирует крупные корпорации, предоставляя субсидии при соблюдении закона, несоблюдение которых наказуемо судебным решением [6].

Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа признал условия выдачи субсидий коммунальным службам дискриминационными, поскольку различия в сроках выплат ограничивали равные возможности ведения бизнеса. Высший арбитражный суд РФ осудил службу по тарифам за необоснованную задержку утверждения тарифа на горячую воду, вызвавшую проблемы у предприятия. Президиум Высшего арбитражного суда РФ установил факт убытков у организации, потерявшей право заниматься розничной продажей алкоголя вследствие незаконного приостановления лицензии местной властью [7].

Правоспособность юридических лиц зависит от цели их создания и вида деятельности. Обладатели общей правоспособности — коммерческие организации,

имеют право осуществлять любую законную деятельность. Некоммерческие же субъекты обладают специальной правоспособностью, ограниченной уставными целями. Это положение подчеркивается исследователями О. В. Гридневой и В. А. Потоцким, утверждающими индивидуальность и особую природу правосубъектности некоммерческих организаций [8].

Специальная правоспособность характерна для государственных учреждений и некоммерческих организаций, ограничивающих предпринимательскую деятельность ради достижения своей социальной миссии. Ограничения включают запрет на производство химического оружия, необходимость лицензирования фармацевтической деятельности, специфику функционирования госучреждений и унитарных предприятий. Объём гражданских прав публичных юридических лиц осложнён неясностью их правового статуса, особым участием государства в гражданских отношениях, свободой распоряжения средствами государственных корпораций и строго целевым назначением государственной собственности. Коллизии частного и публичного права возникают, например, при заключении банковских вкладов бюджетными организациями и порядке расчётов по инкассо и исполнительному производству. Законодательно приоритет одной сферы права над другой не установлен, решение конфликтов основывается на юридической силе актов и принципе согласования интересов, согласно позиции Конституционного суда РФ [1].

Коллизии правовых норм негативно влияют на правовую систему, права граждан и порядок. Заключение публичных договоров характеризуется обязательностью для организаций, равенством условий для потребителей и возможностью изменений лишь в цене отдельных категорий лиц. Несогласованность Гражданского кодекса и других законов проявляется в разнице между строгими императивными и свободными диспозитивными нормами. Новые законодательные нормы распространяются на старые договоры только при наличии специального указания закона [9].

Участие публично-правовых образований в гражданских правоотношениях регулируется статьями 124–125 Гражданского кодекса РФ, которые устанавливают особый правовой статус таких субъектов, исключая их признание юридическими лицами. Реализация прав и обязанностей публичных образований осуществляется специально уполномоченными органами государственной власти и местного самоуправления в пределах предоставленных полномочий. Исполнение договорных обязательств обеспечивается финансовыми ресурсами соответствующих бюджетов, а владение имуществом — государством и муниципальными образованиями через государственные органы

и муниципалитеты соответственно. Согласно судебной практике, публично-правовые образования несут самостоятельную ответственность за нарушение договорных обязательств и не вправе перелгать вину на инвесторов или иных участников отношений [10].

При заключении государственных закупок заказчиком выступают органы власти, действующие от лица государства и распорядители бюджетных средств. Судебная практика показывает, что несоблюдение установленных законом процедур делает подобные сделки недействительными. Согласно Гражданскому кодексу РФ, сделки, нарушающие законодательство и затрагивающие общественные интересы, считаются ничтожными, а суд вправе самостоятельно применить последствия их недействительности для защиты общества.

Исследователи отмечают, что суд проверяет сделки публичных правовых компаний (ППК), оценивая риски нарушения интересов общества, угрозу здоровью граждан, обороноспособности государства, экологической безопасности и запретным действиям. Ответственность ППК контролируется специальными нормами закона № 236-ФЗ, регулирующими особый порядок взыскания долгов, обращения собственности и ограничения распоряжения активами. Государство несет дополнительную субсидиарную ответственность по обязательствам созданных им организаций, особенно касательно казённых учреждений, если выделенных бюджетных средств недостаточно для покрытия задолженности.

Верховный Суд РФ в определении от 19 декабря 2022 года отменил решения нижестоящих судов по делу о взыскании долга и пеней за электроэнергию с федерального органа власти, сославшись на неверное толкование ст. 123.22 ГК РФ. Дело направлено на новое рассмотрение. Судебная коллегия Верховного Суда РФ в июле 2024 года подтвердила, что собственник имущества несет субсидиарную ответственность при недостаточности имущества казенного учреждения, независимо от процедуры банкротства. Государство может быть привлечено к такой ответственности только решением суда при доказанности обязательств должника и факта их неисполнения. Ответственность государства по обязательствам бюджетных и автономных учреждений ограничивается случаями возмещения вреда гражданам. Некоторые ученые проводят аналогии между российским институтом субсидиарной ответственности и зарубежными правовыми конструкциями, однако эта позиция не является общепризнанной. Конституционный Суд РФ подтвердил, что субсидиарная ответственность направлена на защиту интересов кредиторов.

Верховный Суд РФ определил сходство между привлечением к субсидиарной ответственности и невозможностью погасить долги, отмечая частое исполь-

зование судами косвенных доказательств. Законодательство предусматривает иммунитет бюджетных средств и ответственность государственных органов за обязательства казённых учреждений. Современные изменения укрепляют позиции муниципалитета, формируют единую систему власти и улучшают регулирование местного самоуправления, снижая нагрузку на бизнес.

В США и Великобритании инвестиционное право традиционно выступает связующим звеном между частным и публичным правом. До конца 90-х годов прошлого века в законодательстве этих государств отсутствовало понятие «лица публичного права». Вместо этого использовалась категория органов власти — правительственных, местных или общественных, при этом сами органы выступали в качестве юридических лиц, тогда как сама власть оставалась вне рамок правового субъекта.

В Англии и США традиционно используются категории правительственной, местной или общественной власти, которые сами по себе не обладают признаками юридического лица, а действующие от их имени органы признаются юридическими лицами.

Во Франции понятие публично-правового образования заменено терминами «публичная служба» и «публичное учреждение», причем такие образования участвуют исключительно в административно-правовых отношениях.

В Германии существует отдельное понимание публичной службы и публично-правовых образований, включающих различные виды организаций — профессиональные ассоциации, специализированные корпорации, государственные органы, выполняющие экономические функции, национальный банк и другие юридические лица публичного права.

В Грузии принят закон, определяющий юридические лица публичного права, включающий государственные органы, университеты, политические партии и религиозные организации. По мнению О.А. Ястребова, такие лица создаются законом для достижения общественных целей, интегрированы в систему государственного управления и действуют самостоятельно в рамках норм публичного права. Однако некоторые эксперты указывают на недостаточную четкость и отсутствие практической проверки данного законодательства.

Статья 2 Закона Грузии от 28 мая 1999 года определяет юридические лица публичного права как организации, создаваемые правовыми актами и действующие под государственным контролем в политической, государственной, образовательной, культурной и иных публичных сферах.

В.Е. Чиркин подчёркивает наличие множества законов Грузии, регулирующих отдельные государственные учреждения и организации, обладающие ста-

тусом юридического лица публичного права, отличающимся от определений Гражданского кодекса.

Предлагается усовершенствовать регулирование путём введения аналогичного института в российское право, что позволит чётче определить формы организаций публичной власти, отделить публичное и частное право, а также закрепить компетенции и ответственность соответствующих органов и хозяйствующих субъектов.

Необходимо создать эффективные механизмы управления публичными юридическими лицами, включающие прозрачные процедуры назначения руководства, контрольные инструменты и меры реагирования на нарушения. Усилить роль Федерального Собрания, предоставив ему право назначать представителей в органы управления организаций, распоряжающихся значительным государственным имуществом. Регистрацию юридических лиц и ведение единого госреестра поручить органам юстиции [6].

Наконец, требуется привести нормативные акты в единую систему, интегрируя положения, касающиеся статуса учреждений, в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Литература:

1. Яценко, Т. С. Проблемы гражданско-правового статуса юридических лиц публичного права / Т. С. Яценко // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Алушта, 12–14 октября 2017 года. — Алушта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. — С. 140–143.
2. Батова, О. С. Введение в римское право: предмет, структура и источники / О. С. Батова, Ю. В. Перрон, Я. И. Тихонов // Римское право: Учебно-методическое пособие для обучающихся по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность, квалификация выпускника — юрист (очная форма обучения) / Под общей редакцией О. С. Батовой. — Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. — С. 9–16.
3. Акинфиева, В. В. Публичное, частное, цивильное и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и современных доктринальных

- источниках / В. В. Акинфиева, С. Г. Воронцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — № 48. — С. 226–247.
4. Бибина, А. В. К вопросу о юридических лицах публичного права / А. В. Бибина // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. Том 9. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2019. — С. 194–197.
 5. Чиркин, В. Е. Юридические лица частного и публичного права в бизнесе и некоторых иных хозяйственных отношениях / В. Е. Чиркин // Бизнес. Образование. Право. — 2017. — № 4 (41). — С. 256–265.
 6. Романовская, О. В. Публично-правовые компании: новеллы в системе юридических лиц / О. В. Романовская // Наука. Общество. Государство. — 2017. — Т. 5, № 1 (17). — С. 18–25.
 7. Обзор судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства об отдельных видах обязательств Утвержден президиумом Арбитражного суда Уральского округа 24.07.2020 // Экономическое правосудие в Уральском округе. — 2020. — № 3 (55). — С. 68–80.
 8. Потоцкий, В. А. Правосубъектность некоммерческих организаций / В. А. Потоцкий // Молодой ученый. — 2021. — № 11 (353). — С. 106–111.
 9. Куклин, В. В. Применение принципа свободы договора в гражданском праве / В. В. Куклин // Global and Regional Research. — 2022. — Т. 4, № 4. — С. 99–108.
 10. На застройщика нельзя возложить риск невозможности исполнения органом власти обязательств по контракту. — <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-zastroyshchika-nelzya-vozlozhit-risk-nevozmozhnosti-ispolneniya-organom-vlasti-obyazatelstv-po-kontraktu/?ysclid=mahs3vdv296941503>

Защита добросовестного приобретателя и недействительность сделки

Марковская Наталья Геннадьевна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье анализируются современные проблемы правового регулирования института защиты добросовестного приобретателя имущества в Российской Федерации. Проблематика актуальна в связи с ростом числа судебных споров, связанных с незаконным отчуждением имущества. Рассматриваются различные подходы к определению критериев добросовестности, предлагаемые российскими и зарубежными учёными, включая исторический контекст и современные изменения законодательства. Особое внимание уделено судебной практике, отражающей сложность доказательства добросовестности приобретателей и балансировки интересов сторон. Авторы предлагают совершенствовать правовые нормы, регулирующие защиту добросовестных приобретателей, включая улучшение работы регистрационных служб и введение чётких критериев для предотвращения недобросовестных сделок.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, защита прав, судебная практика, недействительные сделки, гражданский оборот, регистрация собственности, законодательство, Гражданский кодекс РФ, добросовестность, право собственности, реституция, правовое регулирование.

Проблема защиты добросовестного приобретателя остается актуальной из-за высокой частоты судебных споров, связанных с незаконным отчуждением имущества. Основные причины сложности включают расплывчатость юридического определения добросовестности («не знал», «не мог знать») и повышенные требования судов к доказательству добросовестности покупателей [1].

Учёные расходятся в подходе к распределению рисков между сторонами сделок. Одни выступают за возложение ответственности на собственника, подчёркивая баланс интересов участников рынка, другие акцентируют внимание на гарантиях защиты приобретателей недвижимости от недобросовестных продавцов. Проблематичность института добросовестного приобретения заключается в неопределённости правовых критериев, сложности доказывания фактической информированности покупателей и множестве случаев мошеннических схем.

Судебная практика учитывает осведомлённость приобретателя о возможных нарушениях, его осмотрительность и активность в проверке юридической

чистоты сделки. Значимым фактором считается лишение первоначального владельца имущества помимо его воли. Предлагается совершенствование деятельности органов регистрации, повышение прозрачности системы учёта прав собственности и минимизация риска заключения фиктивных сделок.

Основная сложность возврата имущества законному владельцу связана с невозможностью автоматической конфискации у добросовестного приобретателя, трудностью идентификации последнего и быстрым развитием способов обмана. Определение добросовестности требует оценки обстоятельств покупки, адекватности цены и отсутствия сомнений относительно истории объекта.

Термин «добросовестный приобретатель» вызывает дискуссии среди специалистов — некоторые считают его избыточным, другие настаивают на важности выяснения действительного знания лица о противоправности сделки [2].

Другая группа ученых предлагает обязать приобретателя проявлять осмотрительность при покупке, проверяя сведения о предмете сделки и продавце. А. Г. Карапетов считает, что обязанность доказать недобросовестность лежит на истце, который часто не обладает информацией о сделке. Верховный Суд РФ подчеркивает активную роль покупателя в определении своей добросовестности. Концепция добросовестности прошла путь развития от духовной категории до современного стандарта поведения, исторически сформировавшись в римском праве и получив отражение в русской юридической традиции. Принцип добросовестности является фундаментальной категорией гражданского права, регулирующей отношения между участниками рынка и формирующей правовую культуру. Институт приобретательной давности защищает интересы добросовестных владельцев. Ученые расходятся во мнениях относительно определения добросовестности: одни считают необходимым отсутствие осведомленности о пороке сделки, другие требуют активных действий по проверке информации. Конституционный Суд РФ признает множественность толкований и призывает учитывать конкретные обстоятельства каждого дела. М. А. Осташевский критикует правила о добросовестном приобретателе, утверждая, что они нарушают права истинного владельца. Определение четких критериев добросовестности осложнено разнообразием ситуаций, что создает трудности в судебной практике и требует разработки унифицированных подходов [3].

Согласно статье 168 ГК РФ, сделка признается недействительной при нарушении требований закона или иного правового акта. Под законом понимаются Гражданский кодекс РФ и другие федеральные законы, а под иными правовыми актами — указы Президента РФ и постановления Правительства РФ. Верховный Арбитражный Суд РФ подтвердил это толкование. Ведомственные инструкции,

приказы, региональные и муниципальные акты не относятся к категории законов и правовых актов в контексте данной статьи. Недействительные сделки подразделяются на оспоримые, требующие судебного решения после доказательства их противоправности, и ничтожные, которые недействительны с момента заключения без необходимости судебного признания. По мнению Д. И. Мейера, ничтожность сделки необратима. В. А. Демидюк предлагает использовать термин «недействительность соглашений», а А. Н. Неустроев считает, что недействительная сделка не является юридическим фактом и не влечет юридических последствий, соответствующих намерениям сторон [4].

Недействительная сделка определяется как такая, которая нарушает требования закона и не порождает ожидаемые правовые последствия. Мнимость сделки характеризуется несоответствием внешнего выражения воли её действительному содержанию, выражаясь либо в полном отсутствии реальных намерений совершить сделку, либо в сокрытии настоящих целей участников сделки [5].

Недействительные сделки бывают двух видов: оспоримые, нуждающиеся в судебном признании, и ничтожные, автоматически недействительные по закону. Последствием недействительности выступает реституция — возвращение сторон в исходное состояние путем возврата всего полученного либо возмещения стоимости деньгами. Бывают двусторонняя, односторонняя реституция и её отсутствие, когда имущество переходит государству. Суд вправе аннулировать последствия, противоречащие морали и порядку. Например, в деле № А56–22527/2012 суд отказал кооперативу в праве собственности ввиду недействительного договора купли-продажи [6].

Судебная практика различается в вопросах признания владельцев недобросовестными приобретателями. Например, дело № А56–74043/2012 показало, что истцу было отказано в праве собственности на помещение в общежитии, поскольку он знал о нарушениях при приватизации здания и не являлся добросовестным собственником [6].

Другое известное дело связано с квартирой Марины Ереминой. Здесь первоначальный судебный акт признавал покупку квартиры недействительной из-за мошеннических действий продавца, однако Верховный суд встал на сторону покупательницы, посчитав её добросовестным приобретателем, поскольку она не имела оснований сомневаться в законности документа о наследстве [7].

Третий пример демонстрирует ситуацию, когда бывший супруг продаёт общее жилье без согласия второго супруга. Хотя новый владелец считал себя добросовестным покупателем, сделка была признана недействительной, оставив его без квартиры и уплаченных средств [8].

Судебная практика показывает, что добросовестному приобретателю важно проявлять осмотрительность при покупке имущества, особенно если возникают сомнительные обстоятельства. Например, в определении Верховного Суда РФ по делу № А82–15821/2015 подчеркивается необходимость дополнительной проверки истории предмета покупки, если присутствуют такие признаки, как низкая цена, короткий срок владения прежним собственником или неоправданная отсрочка платежа [9].

Другим примером служит апелляционное определение Пензенского областного суда от 17 марта 2015 года по делу № 33–499/2015. Здесь отмечается, что требования истца вернуть имущество должны учитывать статус добросовестности приобретателя. Даже если последующая сделка была оспорима, сама процедура оспаривания предыдущей сделки не должна автоматически вести к изъятию имущества у добросовестного владельца [10].

Зарубежный опыт показывает, что немецкий Гражданский кодекс детально регулирует случаи приобретения имущества по недействительным сделкам, защищая права добросовестных покупателей. Недействительная сделка характеризуется юридическими дефектами, препятствующими достижению желаемого правового эффекта. Немецкая правовая наука выделяет различные подходы к пониманию недействительности: от трактовки как особых видов правонарушений до признания недействительными действий исключительно противоправными деяниями. Законодательство Германии не устанавливает формального деления недействительных сделок на виды, однако данная классификация активно разрабатывается учеными-правоведами, акцентирующими внимание на нарушении условий действительности сделки [11].

В Великобритании защита прав третьих лиц основывается на принципе добросовестности, обеспечивающем судебную защиту добросовестному приобретателю имущества даже по недействительной сделке, тогда как недобросовестное приобретение влечет возврат имущества или компенсацию его стоимости.

В США суды детально исследуют каждую сделку на предмет справедливости и соответствия закону, признавая недействительными сделки, совершенные с обманом.

Во Франции контракты признаются незаконными при наличии ошибок, обмана или принуждения, предоставляя добросовестным участникам возможность реституции.

Л. Жюллио де ла Морандьер подчеркивает свободу договорных отношений, согласно которой правовые последствия определяются исключительно волеизъявлением сторон. Некоторые французские юристы рассматривают несовер-

шеннолетних как абсолютно недееспособных, однако доктрина устанавливает, что сделка признается недействительной лишь при доказательстве объективированной ошибки, выраженной в условиях договора [12].

Федеральный закон № 430-ФЗ от 16.12.2019 закрепляет институт добросовестного приобретателя недвижимости, гарантируя защиту доверию к государственному реестру. Покупатель считается добросовестным, если полагается на данные реестра и не осведомлен о проблемах полномочий продавца. Сделка признается легитимной, даже если продавец не имел соответствующих правомочий. Правовая защита действует три года с момента первой регистрации права нового владельца. После завершения указанного срока государство лишается возможности требовать изъятие имущества. Переход права собственности фиксируется посредством государственной регистрации и оспаривается исключительно судом. Компенсация утраченного имущества выплачивается в размере реального ущерба или кадастровой стоимости на момент решения суда. Российские суды применяют комплексный подход, учитывая не только форму оформления права, но также условия покупки и степень внимательности покупателя. Уровень требований к покупателю зависит от типа приобретённого имущества: коммерческие объекты требуют повышенной юридической компетенции. Добросовестность определяется двумя основными критериями: активным проявлением сомнения и проверки (позитивная позиция), либо пассивным незнанием недостатков сделки (негативная позиция). Основные элементы состава признания права собственности включают реальную покупку, переданное имущество, платёжеспособность сделки, отсутствие препятствий оборота и субъективную добросовестность приобретателя [13].

Собственник вправе оспорить сделку, доказав сомнения в её законности. Добросовестный покупатель защищён законом и получает компенсацию при утрате недвижимости судом. Важно расширить понятие «добросовестный приобретатель», учитывать активность проверки прав продавца покупателем и ограничить случаи признания недобросовестности. Необходим индивидуальный подход с изучением связей сторон и состояния реестра. Презумпция добросовестности покупателя должна действовать, пока суд не докажет обратное. Эксперты поддерживают усиление правовой защиты добросовестных приобретателей, предлагая исключить возможность возврата имущества государством после трёхлетнего владения и установить признаки подозрительности сделки, такие как короткий срок владения объектом продавцом и крупные платежи после заключения договора [1].

Законодательство не устанавливает чётких критериев определения добросовестности участников сделок, оставляя данное понятие неопределённым. Исследователи отмечают сложность формулировки общей концепции добросовестности, подчёркивая её субъективность и влияние на предсказуемость судебных решений.

В. В. Витрянский утверждал невозможность законодательного определения критериев добросовестности, справедливости и разумности. С. К. Соломин выделял два проявления добросовестности — объективное (рекомендательное) и субъективное (снисходительное), считая отсутствие связи между ними. Отдельные исследователи рассматривают добросовестность лишь как нравственную категорию, отрицая её правовой характер.

Недействительные сделки угрожают стабильности гражданского оборота, нарушая права участников. Совершенствование правовых инструментов должно включать расширение оснований недействительности, учитывающих публичные интересы и согласие сторон. Важно предусмотреть альтернативные меры ответственности за нарушение законодательства, снижая жесткость санкций и обеспечивая баланс интересов общества и личности.

Н. В. Сарычева предлагает ограничить случаи признания сделок недействительными, когда санкции необоснованны и несоразмерны нарушениям, чтобы сохранить стабильность гражданского оборота. Она также подчеркивает необходимость научных исследований для улучшения правового регулирования данной сферы, поскольку современное законодательство не решает многих практических вопросов.

Кроме того, существует мнение, что участники гражданских правоотношений нередко используют институт недействительности сделок для получения незаконных преимуществ, заключая незаконные сделки и требуя их исполнения. Особое внимание следует уделить защите прав добросовестных участников, установив правило, исключающее возможность оспаривания сделки по известным заранее основаниям для стороны, желающей сохранить её силу. Это укрепит стабильность правоотношений и предотвратит нарушения. Важно также отметить, что данный институт охватывает нормы разных отраслей права, а их объединение сделает систему регулирования более эффективной.

Литература:

1. Павленко, Д. В. Замечания к проекту Федерального закона № 243975–7 «О внесении изменений в статью 302 Гражданского кодекса Российской

- Федерации (в части совершенствования защиты прав добросовестного приобретателя)» / Д. В. Павленко // Актуальные проблемы частного и публичного права: Материалы межвузовской научно-практической конференции (к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации Игнатъевой Светланы Викторовны), Санкт-Петербург, 06 апреля 2018 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. — С. 357–362.
2. Добросовестный приобретатель как субъект права в гражданских правоотношениях / Б. В. Арнаева, Т. И. Борлыкова, В. Б. Горяев [и др.] // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 7 (175). — С. 43–45.
 3. Осташевский, М. А. Виндикация как вещно-правовой способ защиты права собственности и ее отличие от реституции как обязательственно-правового способа защиты права собственности / М. А. Осташевский // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123. RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. — 2017. — № 3. — С. 94–105.
 4. Неустроев, А. Н. Общие положения о последствиях недействительности сделки / А. Н. Неустроев, Б. С. Гван // Наука вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 11 (33). — С. 170–175.
 5. Никитина, А. С. Условия действительности сделок по российскому законодательству / А. С. Никитина // Студенческая наука: современные реалии: Сборник материалов IV Международной студенческой научно-практической конференции, Чебоксары, 06 марта 2018 года. — Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. — С. 127–133.
 6. Отдельные вопросы, возникающие при рассмотрении споров, связанных с применением правил о приобретательной давности. — <https://arbspor.ru/articles/710/>
 7. ВС напомнил, когда нельзя истребовать квартиру у покупателя. — <https://pravo.ru/story/239126/>
 8. Уязвимость позиций добросовестных приобретателей. — <https://pravo163.ru/uyazvimost-pozicij-dobrosovestnyx-priobretatelej/>
 9. ВС оценил добросовестность покупателя с необычным поведением. — <https://pravo.ru/story/225361/>
 10. Апелляционное определение СК по гражданским делам Пензенского областного суда от 17 марта 2015 г. по делу N 33–499/2015. — <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/133031889/>

11. Жильцова, Л.А. Сравнительно-правовой анализ недействительности сделок на примере законодательства России, Германии и Китая / Л.А. Жильцова // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: Материалы XXVI Межвузовской международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 70-летию Красноярского ГАУ, Красноярск, 21–22 апреля 2022 года. — Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. — С. 495–498.
12. Селютина, О.Г. Институт эмансипации и некоторые теоретические проблемы его применения в Российской Федерации / О.Г. Селютина // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. — 2020. — № 2. — С. 10–14.
13. Голиков, Р.В. Переход права собственности по договору купли-продажи движимого имущества в российском гражданском праве / Р.В. Голиков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2022. — Т. 8 (74), № 3. — С. 210–220.

О практике рассмотрения гражданских дел о защите прав потребителей

Шалапин Сергей Николаевич, студент магистратуры

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются особенности защиты прав потребителей в судебной практике с учётом современных вызовов, связанных с цифровизацией, увеличением числа конфликтных ситуаций между гражданами и организациями, а также недостаточной правовой грамотностью населения. Особое внимание уделяется роли судебной системы в обеспечении справедливости при разрешении споров, законодательным изменениям, влияющим на защиту интересов покупателей, и значимости досудебного порядка урегулирования конфликтов. Авторы акцентируют внимание на обязанностях производителей и продавцов, а также подчеркивают необходимость совершенствования законодательства для учёта новых рисков и усиления ответственности участников рынка. Рассматриваются вопросы введения дополнительных механизмов контроля, усиления ответственности импортёров и разработчи-

ков цифровых платформ, а также значимость общественных организаций в защите прав потребителей.

Ключевые слова: защита прав потребителей, судебная практика, цифровизация, законодательство, досудебный порядок, ответственность производителей, информационные платформы, общественные организации, контроль качества, права покупателей.

Защита прав потребителей в судебной практике приобретает особое значение ввиду постоянного роста числа конфликтов между гражданами и организациями. Судебная система призвана справедливо разрешать такие споры, учитывая влияние цифровизации, создающей новые риски и необходимость строгого контроля соблюдения прав. Потребители выступают слабой стороной сделок, нуждающейся в дополнительной юридической поддержке и внимании судов. Важность проблемы подчеркивает обзор Верховного Суда РФ, акцентирующий значимость решений в пользу потребителей. Т. Левшина и А. Шерстобитов предлагают совершенствовать законодательство, делая его комплексным и согласованным с отраслевыми нормами. М. Чельшев рассматривает законодательство о правах потребителей как объединение норм из различных правовых областей [1].

Виктор Момотов указал на ведущую роль Верховного Суда в деле защиты прав потребителей, предоставляя специализированные обзоры судебной практики. Олег Прусаков призывает граждан активно защищать свои права в судах, подчеркивая положительную судебную практику в пользу потребителей. Эксперты отмечают, что успешные судебные дела стимулируют производителей и продавцов повышать качество товаров и услуг, избегать высоких судебных издержек и потери репутации.

Потребителем признается гражданин, приобретающий продукцию для личных нужд, исключая коммерческое использование. Закон РФ «О защите прав потребителей» обеспечивает защиту граждан, гарантируя качественные и безопасные продукты, работы и услуги. Производители несут обязательства по обеспечению безопасности продукции на весь период её эксплуатации или хранения, информация о правилах использования должна передаваться покупателю. Покупатель некачественного товара вправе требовать бесплатного устранения недостатков, снижения стоимости или замены товара. Недопустимо навязывание дополнительных платных услуг без согласия потребителя, уплаченные средства возвращаются. Нарушения законодательства приводят к ответственности участников рынка. Федеральный закон РФ

№ 2300–1 регламентирует отношения между потребителями и участниками рынка, обязывая продавцов и исполнителей соблюдать договорные условия и стандарты качества. Закон запрещает принуждение покупателей к оплате ненужных услуг и отказ от заключения договоров по причине непредоставления личной информации [2].

Основанием для судебного разбирательства потребителя является нарушение его прав при приобретении товара, работе или услуге. Основные причины обращений включают требование возврата денег за дефектный продукт, снижение стоимости, устранение недостатков, возмещение ущерба вследствие низкокачественных продуктов или недостоверной информации, выплату неустойки за несоблюдение сроков, компенсацию морального вреда. До подачи искового заявления желательно направить продавцу или исполнителю письменную претензию, однако необходимость соблюдения досудебного порядка зависит от конкретной ситуации. Обязательность досудебного урегулирования введена законодательно для оптимизации судебных процессов, но вызывает критику специалистов из-за возможных задержек разбирательств. Предлагаются варианты ограничения обязательного порядка претензионного решения спора.

Срок исковой давности составляет три года с момента обнаружения нарушения. Распространены случаи нарушения сроков исполнения обязательств, предусматривающие уплату неустойки, возмещение убытков и право расторжения договора. Потребитель имеет возможность установить исполнителю дополнительный срок, привлечь сторонних исполнителей, уменьшить стоимость услуги либо отказаться от договора, при этом исполнитель обязан выплачивать неустойку, если иное не предусмотрено соглашением. Исключение ответственности исполнителя наступает при наличии обстоятельств непреодолимой силы или вины самого потребителя.

Регулирование качества продукции осуществляется согласно Закону РФ «О защите прав потребителей», позволяющему заявлять претензии непосредственно при выявлении дефекта или позднее в рамках гарантийного периода или разумного срока эксплуатации. [3].

За просрочку устранения дефектов исполнитель выплачивает неустойку в размере 3% от стоимости работ. Услуги по устранению недостатков оказываются бесплатно в согласованные сроки. Покупатель вправе требовать скидку за ненадлежащее качество выполненной услуги или замены товара, предоставленного исполнителем. Недовольство потребителями неудовлетворительными условиями позволяет направлять обращение в органы Роспотребнадзора или подавать иск в судебные инстанции.

Споры о продаже низкокачественного товара регулируются гражданским правом, законом о защите прав потребителей и правилами торговли. Определение точной суммы компенсации за дефект зачастую затруднено отсутствием законодательных методик расчета. Сложность возникает также при установлении виновников брака на маркетплейсах из-за недостатка информации о поставщиках.

Розничная продажа несёт полную ответственность за недостатки продукции вне зависимости от собственной вины, освобождая покупателей от доказывания наличия дефекта. При обнаружении изъянов покупатель вправе выбрать путь предъявления претензий продавцу или изготовителю, часто выбирая первого ради удобств подачи заявления и судебной юрисдикции по собственному адресу проживания.

Отсутствие установленного гарантийного периода ограничивает возможность привлечения продавца к ответственности лишь при демонстрации появления дефекта до момента приобретения товара. Гарантийный срок возлагает обязанность доказать свою невиновность на поставщика.

Досудебное урегулирование конфликта признается наиболее эффективным методом разрешения споров благодаря экономии ресурсов обеих сторон. Судебные тяжбы рекомендуются лишь в исключительных случаях, поскольку процесс может оказаться длительным и сопровождаться риском невыполнения решения суда. Обязательность соблюдения досудебного порядка рассматривается как способ повышения продуктивности судебных разбирательств и снижения социального напряжения [1].

Дела о защите прав потребителей рассматриваются судами общей юрисдикции согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 28 июня 2012 года. Подсудность определяется характером спора и суммой иска: споры менее 100 тысяч рублей разрешаются мировым судьей, свыше данной суммы — районным судом. Требования о возмещении морального вреда всегда рассматривает районный суд независимо от размера ущерба. Территориальная подсудность выбирается заявителем самостоятельно, исходя из своего места жительства, адреса ответчика либо заключения/доставки договора.

Права потребителя включают возврат денежных средств, снижение цены услуги, устранение недостатков, возмещение убытков, выплату неустойки и компенсацию морального вреда. Ответчик обязан принять некачественный товар, провести проверку состояния и организовать независимую экспертизу за собственный счёт при возникновении разногласий относительно причины неисправности. Если недостатки выявлены в течение гарантийного срока, от-

ветственность лежит на продавце, которому предстоит доказать свою непричастность и отсутствие нарушений правил эксплуатации потребителем.

При отсутствии гарантийного срока потребитель должен доказать наличие недостатков до приобретения товара. Продавец же несёт обязательство подтвердить собственную невиновность, если недостаток обнаружен в рамках гарантийного периода. За отказ добровольно удовлетворить законные требования потребителя предусмотрена дополнительная санкция в виде штрафа в размере половины удовлетворённых исковых требований.

Верховный Суд РФ утвердил принцип презумпции виновности продавца, возлагая на него бремя доказательства обстоятельств, исключающих ответственность [4]. Аналогичная позиция выражена Арбитражным судом Западно-Сибирского округа, подчёркивающим важность гарантийного срока при распределении обязанностей доказывания. [5].

Продавец обязан доказать невозможность удовлетворить требования покупателя, принять товар ненадлежащего качества и обеспечить защиту потребительских прав. Недостаточная информация о товаре влечет риск неправильного использования и повреждений. Согласно позиции Верховного Суда по делу № 45-КГ23–6-К7, заказчик обязан оплатить качественную работу, несмотря на отказ от договора вследствие просрочки исполнителя [6].

По делу № 85-КГ23–1-К1 клиентка банка сама предоставила мошенникам уникальный код из SMS, позволив оформить кредит на своё имя. Три судебные инстанции подтвердили законность действий банка, однако Верховный Суд обратил внимание на нарушение закона о предоставлении информации на русском языке и направил дело на пересмотр, результатом которого стала отмена кредитного договора и снятие обязательств с клиента [6].

В деле № 46-КГ22–50-К6 смартфон Samsung начал ломаться после двух лет пользования, хотя заявлен трехлетний срок службы. Производитель отремонтировал аппарат, но вскоре поломка вернулась. Претензия покупателя была удовлетворена Верховным судом: потребителю вернули полную стоимость телефона, неустойку и штраф за просрочку удовлетворения требований [6].

Защита прав потребителей осложняется слабым уровнем юридической грамотности, длительной процедурой рассмотрения дел, нехваткой финансовых ресурсов, неэтичным поведением компаний, наличием пробелов в законе и отсутствии надёжных механизмов контроля за выполнением судебных постановлений.

Длительное рассмотрение дел создаёт неудобства пострадавшим, перегруженная судебная система и нехватка судей усугубляют ситуацию. Высокая стои-

мость судопроизводства ограничивает доступ к правосудию для социально уязвимых слоев общества. Недобросовестность ответчиков, намеренно затягивающих процессы, ещё больше осложняет положение истцов. Разнотчение законов вызывает правовую неопределённость. Положительные решения часто остаются неисполнёнными, снижая доверие к суду.

Дыханов И. В. подчеркивает, что недобросовестность участников гражданских процессов проявляется в затягивании судебных разбирательств, причем зачастую инициатором выступает ответчик, стремящийся отложить выполнение обязательств. Иногда сами истцы заинтересованы в затягивании дел, чтобы нанести ущерб деятельности оппонента [7].

Законодательство о правах потребителей в 2025 году изменится следующим образом: исключаются неустойки за просрочку сдачи жилья в период с марта 2024-го по июнь 2025-го, сокращается срок гарантий на ремонтные работы, ограничивается компенсация убытков, вводится оценка качества ремонта стандартами строительных фирм и регламентируется право заемщиков отказаться от кредитов в короткие сроки. Кроме того, устанавливается запрет на навязывание покупателю ненужных товаров и услуг.

Кроме того, расширяется круг ответственных лиц, включающий теперь руководителей, собственников и участников организаций-продавцов и производителей.

Особое внимание уделяется усилению контроля деятельности онлайн-площадок и агрегаторов, обязанных обеспечивать соблюдение поставщиками законодательных норм, достоверность сведений о продукции и защите покупателей. Дмитрий Гусев подчеркивает риски неконтролируемого рынка — распространение подделок, низкокачественных и даже опасных товаров, нарушение интеллектуальной собственности. Александр Нечушкин акцентирует необходимость защиты интересов малого и среднего предпринимательства, устранения препятствий вроде обязательных скидок и навязываемых логистических услуг.

Андрей Грибенюк акцентирует внимание на защите интересов производителей в условиях высокой кредитной нагрузки и нестабильной среды. София Синякова указывает на усиление контроля над деятельностью агрегаторов, включая дополнительные обязанности и ограничения. Временные сроки удовлетворения потребительских требований значительно сокращены — ремонт теперь должен осуществляться бесплатно в течение двух недель вместо предыдущих сорока пяти дней.

Качество товаров и услуг обязано отвечать строгим стандартам безопасности и полной информированности потребителей о потенциальных рис-

ках. Покупатели освобождены от госпошлины при защите своих прав в суде. Для повышения прозрачности Верховный Суд регулярно выпускает обзоры дел, акцентируя внимание на значимости достоверной информации от бизнеса [3].

Медиация — внесудебная форма урегулирования споров с привлечением независимого посредника (медиатора), содействующего достижению сторонами взаимовыгодного соглашения. Она ускоряет разрешение потребительских конфликтов, снижает судебную нагрузку и укрепляет рыночные отношения благодаря простоте, конфиденциальности и возможности компромиссных решений. Однако процесс требует добровольного согласия участников и несёт риск затягивания спора при отсутствии договорённости.

По мнению Е. А. Бочкарёвой, российская практика медиации обладает значительным потенциалом для улучшения защиты прав потребителей финансовых услуг, однако её эффективность ограничивает несовершенство правового регулирования. Елена Ракович подчёркивает, что медиация не является универсальным инструментом, но открывает новые перспективы и подходы к урегулированию разногласий, обеспечивая достижение оптимального для обеих сторон результата.

Дмитрий Подшибякин подчеркнул успешность судебной медиации в практике ТПП РФ, отмечая возможность урегулирования целого ряда судебных споров одним соглашением. Юлия Севастьянова назвала медиацию цивилизованным способом решения конфликтов, однако отметила недостаточное распространение процедуры в России и необходимость сохранения её добровольности и доступности. Система защиты прав потребителей нуждается в обновлении законодательства, отражающем изменения цифровой экономики и регулирующем приобретение цифровых товаров и услуг.

Необходимо ввести субсидиарную ответственность учредителей компаний, работающих на потребительском рынке и нарушающих закон. Это усилит контроль руководителей за соблюдением норм защиты прав потребителей. Важно расширить ответственность импортеров иностранных товаров, обязав их обеспечивать безопасность и качество своей продукции, а также рекомендовать создание официальных представительств зарубежных фирм в России. Общественные организации потребителей станут ключевыми игроками в защите прав покупателей, особенно учитывая переход от традиционного госрегулирования к риск-ориентированным методам надзора.

Савенко Н. Е. подчёркивает роль общественных организаций потребителей как моста между гражданами, бизнесом и государством. Эти организации спо-

способны превращать единичные проблемы в системные решения, защищая права потребителей перед лицом недобросовестной рекламы, некачественных товаров и сложных условий договоров. Независимость от власти, политики и бизнеса позволяет общественным организациям эффективно защищать интересы граждан, контролировать соблюдение законов и повышать уровень ответственности производителей [8].

Необходимо внедрить механизмы досудебного разрешения потребительских споров через специальные онлайн-платформы для упрощенного обмена претензиями и решения конфликтов вне суда. Важно усилить ответственность производителей, поставщиков и государственных контролирующих органов за подтверждение качества товара и достоверность предоставляемых сведений, чтобы минимизировать случаи продажи некачественных продуктов и распространения ложной информации.

Литература:

1. Галлямов, Б. Р. Досудебное урегулирование потребительских споров в условиях развития цифровых технологий и электронной торговли / Б. Р. Галлямов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 4–3 (67). — С. 7–10.
2. Озыкова, Ц. И. Защита прав потребителя по законодательству Российской Федерации / Ц. И. Озыкова // Мировая наука. — 2022. — № 11 (68). — С. 106–109.
3. Ролдугин, В. И. О некоторых особенностях доказывания по делам о защите прав потребителей / В. И. Ролдугин // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: в 4 частях, Пенза, 15 декабря 2017 года. Том Часть 3. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2017. — С. 47–49.
4. Мочиев, Х. И. Некоторые особенности доказывания по делам о защите прав потребителей / Х. И. Мочиев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 48 (286). — С. 260–262.
5. Кто должен доказывать, что товар бракованный — продавец или покупатель? — <https://its.1c.ru/db/newsprac/content/487147/hdoc>
6. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей от 18 октября 2023 год. — <https://muob.ru/aktualno/news/novosti-poseleniy/1487334.html>

7. Дыханов, И. В. Злоупотребление правом в гражданском процессе в целях затягивания производства / И. В. Дыханов, Т. В. Ярошенко // Глобализация и публичное право: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 20 ноября 2020 года. — Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. — С. 128–133.
8. Савенко, Н. Е. Гражданско-правовые средства обеспечения имущественных потребностей граждан-потребителей в отношениях с самозанятыми физическими лицами в свете доктрины профессора Н. А. Барина / Н. Е. Савенко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 2 (151). — С. 149–158.

ПСИХОЛОГИЯ

Развитие мотивации достижения в детском возрасте: теоретические подходы

Королева Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Херсонский государственный педагогический университет

В статье представлен теоретический анализ двух ведущих подходов к изучению мотивации достижения в детском возрасте: теории потребности в достижениях Д. Макклелланда и концепции установок на данность и рост К. Двек. Проведено комплексное сравнение этих теорий, выявлены их ключевые положения и объяснительный потенциал. Особое внимание уделено роли социальных (по Д. Макклелланду) и когнитивных (по К. Двек) факторов в формировании мотивационных паттернов у детей.

Анализ показал, что рассмотренные теории не противоречат, а взаимно дополняют друг друга, предлагая разные ракурсы понимания детских реакций на успехи и неудачи. Теория Д. Макклелланда акцентирует значение семейного воспитания и социального окружения, в то время как концепция Л. Двек делает упор на роли имплицитных представлений ребенка о природе способностей.

Статья обосновывает перспективность интеграции этих подходов для создания более целостной модели мотивации достижения. Полученные результаты имеют большое практическое значение для разработки образовательных программ и психолого-педагогического сопровождения детей. Особый акцент делается на необходимости учета как социальных, так и когнитивных факторов при формировании здоровой мотивационной сферы у детей.

Ключевые слова: мотивация достижения, детский возраст, теория Макклелланда, концепция Двек, установка на рост, потребность в достижениях, психология мотивации.

Введение

Как отмечает Бандура [1], процессы социального научения играют ключевую роль в формировании мотивационных паттернов. Современная пси-

хология образования сталкивается с необходимостью глубокого осмысления механизмов формирования мотивации достижения у детей дошкольного и младшего школьного возраста [4]. Особую значимость приобретает понимание смысловых аспектов мотивации, что подчеркивается в работах Леонтьева [3], рассматривающего мотивацию как важнейший компонент смысловой сферы личности.

Актуальность данной проблемы обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в условиях быстро меняющегося общества традиционные методы мотивации детей демонстрируют сниженную эффективность. Во-вторых, наблюдается рост числа детей с выраженной боязнью неудачи, что существенно ограничивает их познавательную активность [5]. В-третьих, современные образовательные стандарты делают особый акцент на развитии у учащихся способности к саморегуляции и самосовершенствованию [7].

Проблема мотивации достижения имеет междисциплинарный характер, находясь на пересечении возрастной психологии, педагогики и психологии личности. Ее изучение восходит к работам таких классиков психологии, как Г. Мюррей, Д. Макклелланд, К. Двек, каждый из которых внес существенный вклад в понимание природы мотивационных процессов. Однако до сих пор остается открытым вопрос о взаимосвязи различных теоретических подходов и возможности их интеграции в единую концептуальную модель.

Целью данной статьи является проведение комплексного анализа ведущих теорий мотивации достижения в их применении к детскому возрасту.

В задачи исследования входит:

1. Систематизация основных положений теорий Д. Макклелланда и К. Двек.
2. Выявление их сходств и различий.
3. Анализ объяснительного потенциала каждой теории.
4. Рассмотрение возможностей интеграции подходов.

Концепция мотивации достижения Дэвида Макклелланда, разработанная в 1960-х годах, представляет собой одну из наиболее влиятельных теорий в области психологии мотивации. В основе теории лежит представление о том, что потребность в достижениях является относительно устойчивой личностной характеристикой, формирующейся в процессе социализации. Как показали более ранние исследования Вайнера [8], атрибутивные процессы существенно влияют на интерпретацию успехов и неудач.

Согласно Д. Макклелланду, ключевыми характеристиками детей с высокой потребностью в достижениях являются [6]:

1. Предпочтение задач средней степени сложности. В отличие от детей с низкой мотивацией достижения, которые склонны выбирать либо очень легкие, либо чрезмерно трудные задачи, мотивированные на успех дети предпочитают задачи оптимальной сложности, где вероятность успеха составляет примерно 50%.

2. Ориентация на личную ответственность. Такие дети стремятся к ситуациям, где результат зависит от их собственных усилий, а не от внешних обстоятельств или случайных факторов.

3. Потребность в конкретной обратной связи. Они ценят информацию о качестве выполнения задачи, так как это позволяет им корректировать свои действия и совершенствовать навыки.

Особое значение в теории Д. Макклелланда придается роли семейного воспитания в формировании мотивации достижения. Исследования показали, что наиболее благоприятными для развития потребности в достижениях являются следующие условия [6]:

- Поощрение самостоятельности и инициативы ребенка.
- Умеренно высокие ожидания со стороны родителей.
- Конструктивная реакция на неудачи.
- Акцент на личных усилиях, а не на врожденных способностях.

Важным вкладом Д. Макклелланда стало доказательство того, что мотивация достижения не является врожденной характеристикой, а формируется под влиянием социального окружения. Это открытие имело значительные практические последствия, так как позволило разрабатывать целенаправленные программы развития мотивационной сферы детей.

В конце XX века Кэрол Двек предложила принципиально новый взгляд на проблему мотивации, введя понятия «установка на данность» (fixed mindset) и «установка на рост» (growth mindset). Ее теория, основанная на многолетних экспериментальных исследованиях, сместила акцент с внешних проявлений мотивации на глубинные когнитивные структуры, определяющие поведение человека в ситуациях достижения.

Согласно концепции К. Двек, ключевым фактором, определяющим учебную мотивацию, являются имплицитные теории — глубинные убеждения ребенка о природе своих способностей. Эти убеждения формируют определенную «ментальную модель», которая влияет [5]:

- на выбор целей;
- реакцию на трудности;
- интерпретацию неудач;

— стратегии преодоления препятствий.

Дети с установкой на данность (fixed mindset) характеризуются следующими особенностями [5]:

1. Вера в неизменность способностей («способности даны от природы и не могут быть изменены»).
2. Ориентация на «доказательство» своей компетентности.
3. Избегание сложных задач из-за страха неудачи.
4. Восприятие ошибок как свидетельства ограниченных способностей.
5. Склонность к катастрофизации неудач.

В противоположность этому дети с установкой на рост (growth mindset) демонстрируют [5]:

1. Убеждение в развиваемости способностей («способности можно развивать через усилия»).
2. Ориентацию на процесс обучения и совершенствования.
3. Готовность принимать вызовы и браться за сложные задачи.
4. Восприятие ошибок как естественной части учебного процесса.
5. Конструктивное отношение к трудностям.

Особое значение в концепции К. Двек придается роли обратной связи. Многочисленные исследования показали, что похвала, ориентированная на личностные характеристики («ты такой умный»), способствует формированию fixed mindset, тогда как акцент на усилиях («ты хорошо постарался») стимулирует развитие growth mindset.

Сопоставление рассмотренных концепций позволяет выявить их принципиальные различия и точки соприкосновения. Теория Макклелланда акцентирует социальные детерминанты мотивации, тогда как концепция Двек фокусируется на когнитивных факторах. Однако обе теории подчеркивают важность внешней оценки и ее влияние на формирование мотивационных паттернов.

Критический анализ показывает, что эти подходы не противоречат, а дополняют друг друга. Современные исследования демонстрируют возможность их интеграции в рамках единой модели мотивации достижения. В частности, работы Т. О. Гордеевой показывают, что сочетание социальных и когнитивных факторов дает наиболее точное объяснение детских реакций на успехи и неудачи. Как отмечает Т. О. Гордеева [2], современные исследования подтверждают важность обоих подходов.

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Обе рассмотренные теории обладают значительным объяснительным потенциалом в отношении детской мотивации достижения.
2. Интеграция социального и когнитивного подходов открывает новые перспективы для исследований.
3. Полученные результаты имеют большое практическое значение для разработки образовательных программ.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать изучение взаимодействия мотивационных факторов с эмоциональными и личностными особенностями детей.

Литература:

1. Бандура, А. Теория социального научения. — СПб.: Евразия, 2000. — 320 с.
2. Гордеева, Т. О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы / Под ред. Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2002. — 343 с.
3. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — 2-е изд., испр. — М.: Смысл, 2003. — 487 с.
4. Селигман, М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. — М.: София, 2006. — 368 с.
5. Dweck, C. S. Mindset: The New Psychology of Success. — Updated ed. — New York: Random House, 2016. — 320 p.
6. McClelland, D. C. Human Motivation. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 680 p.
7. Ryan, R. M. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness / R. M. Ryan, E. L. Deci. — New York: Guilford Press, 2017. — 756 p.
8. Weiner, B. Attribution Theory, Achievement Motivation, and the Educational Process // Review of educational research. — 1972. — № 42 (2). — URL: https://www.researchgate.net/publication/270334287_Attribution_Theory_Achievement_Motivation_and_the_Educational_Process.

Качество трудовой деятельности в свете современных психологических теорий мотивации

Ляпина Любовь Валентиновна, студент магистратуры
Херсонский государственный педагогический университет

В статье представлен комплексный анализ влияния мотивационных факторов на качество трудовой деятельности. Рассмотрены как классические западные теории мотивации (Деси и Райан, Герцберг, Врум), так и их адаптация в работах ведущих российских ученых (Е. П. Ильин, В. Д. Шадриков, И. В. Вачков).

Ключевые слова: мотивация персонала, качество труда, теории мотивации, психология труда.

Введение. В современной российской организационной психологии проблема мотивации персонала занимает центральное место. Как отмечает Е. П. Ильин, специфика российского трудового менталитета требует особого подхода к разработке систем мотивации [2]. Исследования показывают, что традиционные западные модели мотивации не всегда эффективно работают в российских организационных условиях [1,8].

В системе психологического знания проблема мотивации и мотивов поведения занимает особое место, выступая в качестве одного из фундаментальных направлений научного поиска. Как справедливо отмечал Б. Ф. Ломов в своих работах по методологическим проблемам психологии, исследование мотивационно-целевой сферы деятельности представляет собой ключевое направление в изучении психической регуляции поведения работников. Ученый подчеркивал, что принципиальная сложность исследования данной проблемы заключается в системной природе мотивационных образований, которые представляют собой интегративные формы психического отражения, синтезирующие когнитивные, аффективные и регуляторные компоненты [4].

Актуальность данной проблематики определяется необходимостью решения ряда методологически значимых вопросов:

- генезис и механизмы формирования мотивационных структур;
- структурно-функциональная организация мотивационной сферы;
- взаимосвязь мотивов и целей в системе деятельности.

Разработка этих вопросов, как отмечал Б. Ф. Ломов, имеет не только теоретическое значение для развития общепсихологического знания, но и существенную практическую ценность для решения прикладных задач в различных областях психологической практики [4].

В современной психологической науке накоплен значительный массив исследований мотивационной сферы. В отечественной психологической традиции существенный вклад в разработку данной проблематики внесли: (А. Н. Леонтьев, В. Г. Асеев, Д. Н. Узнадзе, П. В. Симонов). В зарубежной психологии разработка проблем мотивации осуществлялась в рамках: гуманистического направления (А. Маслоу), когнитивных теорий (Дж. Аткинсон), дифференциально-психологического подхода (Х. Хекхаузен).

Такое многообразие теоретических подходов свидетельствует о сложности и многогранности изучаемого феномена, а также о необходимости дальнейшей интеграции существующих концепций в единую общепсихологическую теорию мотивации.

В условиях глобальных трансформаций трудовых отношений и цифровизации экономики изучение мотивационных механизмов, определяющих эффективность профессиональной деятельности, приобретает особую научную и практическую значимость. Современный этап социально-экономического развития требует принципиально новых подходов к управлению человеческими ресурсами, основанных на глубоком понимании психологических закономерностей трудовой мотивации [7].

Современные исследования демонстрируют, что традиционные системы стимулирования часто оказываются неэффективными в новых экономических реалиях [9], что требует переосмысления классических теорий мотивации.

В структуре профессиональной деятельности мотивационный компонент выполняет ключевую системообразующую функцию. Согласно современным исследованиям, профессиональная мотивация реализует четыре фундаментальные функции: энергетическую (побуждающую), векторную (направляющую), коррекционную (регулирующую), семантическую (смыслообразующую) [3].

Эти функции находятся в диалектическом единстве, обеспечивая целостность и направленность профессиональной деятельности на достижение значимых результатов. Особое значение в этом процессе приобретает системная взаимосвязь мотивационных и целевых структур, формирующая психологический каркас профессионального поведения [5].

Современные исследования (А. В. Горбушина 2020; Т. В. Разина 2017) подчеркивают полимотивированную природу профессиональной деятельности, где различные мотивационные комплексы доминируют на отдельных этапах профессионального пути:

Этап профессионального самоопределения (доминирование ценностно-смысловых мотивов).

Период профессионального обучения (преобладание познавательных мотивов).

Стадия профессиональной адаптации (мотивы самоутверждения и компетентности).

Фаза профессионального мастерства (мотивы самореализации и творчества).

Важнейшим аспектом профессионального становления является процесс дифференциации мотивационной структуры, который проходит несколько качественно своеобразных стадий [5]:

1. Импульсивно-ситуативный этап.
2. Стабилизационный период.
3. Этап ценностной интеграции.
4. Фаза профессиональной идентификации.

Особого внимания заслуживает проблема классификации мотивационных факторов. В современной психологии труда принято выделять [6]:

Экстринсивные мотиваторы: социально-статусные (карьерный рост, признание); материально-экономические (заработная плата, бонусы); организационные (условия труда, корпоративная культура).

Интринсивные мотиваторы: когнитивные (интерес к содержанию деятельности); личностно-развивающие (самосовершенствование); творческо-преобразующие (возможность инноваций).

Эмпирические исследования демонстрируют, что внутренняя мотивация обладает большей устойчивостью и продуктивностью по сравнению с внешней, что особенно проявляется в долгосрочной профессиональной перспективе [3].

Современные подходы к изучению профессиональной мотивации базируются на следующих методологических принципах:

1. Метасистемный подход — рассматривает мотивацию как подсистему личности, включенную в более широкий социально-профессиональный контекст

2. Системогенетическая парадигма — акцентирует внимание на закономерностях развития мотивационной сферы

3. Полидинамическая концепция — учитывает множественность детерминант профессиональной мотивации

Особую эвристическую ценность представляет модель профессиональной мотивации как открытой саморазвивающейся системы, где ключевыми характеристиками выступают [3]:

- Нелинейность развития.

- Гетерохронность формирования компонентов.
- Контекстуальная обусловленность.
- Адаптивная пластичность.

Таким образом, профессиональная мотивация представляет собой сложную динамическую систему, развитие которой подчиняется общим закономерностям профессионального становления личности, но при этом обладает выраженной индивидуально-типологической спецификой.

Современное понимание профессиональной мотивации предполагает комплексный анализ ее структурных, динамических и контекстуальных характеристик, что открывает новые перспективы для разработки эффективных технологий мотивационного сопровождения профессионального становления.

Литература:

1. Вачков И. В. Психология тренинговой работы: Содержательные, организационные и методические аспекты ведения тренинговой группы. — М.: Эксмо, 2007. — 416 с.
2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2011. — 887 с.
3. Карпов А. В., Карпова Е. В. Методологические основы психологии образовательной деятельности: монография: в 3 т. Т. 1: Метасистемный подход. — Ярославль: ЯрГУ, 2018. — 740 с.
4. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. — М.: Ин-т психологии РАН, 2006. — 622 с.
5. Маркова А. К. Психология профессионализма. — М.: Междунар. гуманитар. фонд Знание, 1996. — 308 с.
6. Прохорова М. В., Прохоров В. М. Возрастная динамика внутренней и внешней мотивации трудовой деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». — 2015. — Т. 8. — № 3. — С. 57–64.
7. Хащенко В. А. Экономическая психология. — М.: ИП РАН, 2012. — 422 с.
8. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. — М.: Институт психологии РАН, 2018. — 579 с.
9. Gagné M., Deci E. L. Self-determination theory and work motivation // Journal of Organizational behavior. — 2005. — Vol. 26. — P. 331–362. https://selfdeterminationtheory.org/SDT/documents/2005_GagneDeci_JOB_SDTtheory.pdf

Цифровая арт-терапия как инструмент работы с тревожностью, депрессией, посттравматическим стрессовым расстройством и ее особенности в работе с детьми и подростками

Шуржунова Дарья Борисовна, студент

Херсонский государственный педагогический университет

В статье рассматриваются возможности цифровой арт-терапии в психологическом консультировании, ее эффективность при работе с тревожными расстройствами, депрессией и посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Особое внимание уделено применению цифровых методов в работе с детьми и подростками, их преимуществам перед традиционными формами арт-терапии. Анализируются российские и зарубежные исследования, подтверждающие эффективность данного подхода, а также рассматриваются возможные ограничения и риски.

Ключевые слова: *цифровая арт-терапия, психологическое консультирование, тревожность, депрессия, ПТСР, дети, подростки, цифровые технологии в психотерапии.*

Введение. Современный мир стремительно меняется, подвергая личность человека постоянным испытаниям и формируя новые требования к адапционным механизмам. Социально-экономическая нестабильность, пандемии, информационные перегрузки и геополитические угрозы вынуждают индивида развивать высокую устойчивость к стрессу, способность быстро решать проблемы и оперативно менять свое поведение [7]. В условиях нарастающей динамики психологические консультации и психотерапия становятся важными инструментами поддержания жизненного баланса и устойчивости перед лицом постоянных изменений [4].

Современная психотерапевтическая практика переживает период активной цифровизации, что открывает новые возможности для оказания помощи клиентам с ограниченным доступом к традиционным формам терапии. Особый интерес представляет применение цифровых технологий в арт-терапии — направлении, где творческий процесс становится инструментом психологической коррекции [6].

Одним из эффективных подходов к решению указанных проблем является арт-терапия, представляющая собой терапию, основанную на творческих практиках. Через художественное творчество участники арт-терапии получают возможность перерабатывать травматичные ситуации, раскрывать внутрен-

ние ресурсы и улучшать качество жизни. Художественная активность помогает человеку повышать рефлексивную способность, развивать эмоциональный интеллект и адаптивные стратегии поведения. Важнейшей особенностью арт-терапии является работа с символами и метафорами, позволяющими выразить глубинные переживания, часто скрытые от сознания или сложно формулируемые словами [9].

Сегодня особую роль начинают играть цифровые технологии, проникающие в различные сферы человеческой деятельности, включая сферу здравоохранения и психотерапии. Современные гаджеты, программы и медиасредства позволяют пациентам дистанционно общаться с профессионалами, создавая условия для более доступной и удобной терапии [8]. Однако пока цифровое искусство остается недостаточно изученным направлением в рамках арт-терапии [2].

Использование цифровых технологий открывает широкие возможности для терапевтической практики.

Во-первых, появляется возможность дистанционного взаимодействия между специалистами и пациентами, что существенно облегчает доступность услуг для жителей удаленных регионов или пациентов с ограниченными возможностями передвижения [11].

Во-вторых, современные компьютерные средства позволяют повысить степень комфорта для пациентов, испытывающих сложности в словесном выражении своих эмоций. Благодаря удобству интерфейсов и широкому выбору художественных инструментов пациенты могут свободно воплощать свои идеи и фантазии, уменьшая страх ошибок благодаря наличию функций отмены действий.

Помимо этого, применение цифровых форматов способствует увеличению креативности и разнообразию терапевтических методов. Новые мультимедийные платформы предоставляют терапевту и пациенту практически бесконечный выбор художественных приемов и жанров, делая арт-терапию привлекательной и увлекательной формой терапии. Эти инновации способствуют развитию когнитивных способностей, улучшению коммуникабельности и социальной активности, а также снижают симптомы депрессивных состояний и тревожно-фобических расстройств [11].

Классическая арт-терапия, основанная на работе с традиционными художественными материалами, получает новое дыхание благодаря цифровым инструментам. Важно подчеркнуть, что цифровые технологии не заменяют, а дополняют и расширяют существующие методики. Например, если раньше клиент ограничивался бумагой и красками, то теперь он может:

- создавать цифровые рисунки на планшете;
- работать в VR-пространстве;
- экспериментировать с генеративным искусством.

Современный арсенал цифрового арт-терапевта впечатляет разнообразием:

1. Графические планшеты с чувствительными к нажиму стилусами позволяют максимально точно передавать эмоциональное состояние через рисунок.
2. Специализированные программы предлагают безграничные возможности для творчества.
3. VR-технологии создают безопасную среду для работы с травматическим опытом.

Цифровая арт-терапия открывает новые возможности в психологической работе с детьми и подростками, сочетая традиционные методы арт-терапии с технологиями, которые для молодого поколения являются естественной средой обитания. Современные дети и подростки, будучи «цифровыми аборигенами», зачастую чувствуют себя более комфортно, создавая рисунки на планшете, чем используя бумагу и краски. Это делает цифровые инструменты (графические планшеты, мобильные приложения, VR-рисование) особенно эффективными в терапевтической работе.

Ключевые преимущества цифровой арт-терапии для детей и подростков:

1. **Снижение тревожности и страха ошибки** — возможность отменить действие, исправить рисунок или начать заново уменьшает стресс, связанный с «неидеальностью» творчества.
2. **Большая вовлеченность** — интерактивные форматы (анимация, 3D-моделирование, цифровые коллажи) делают процесс более увлекательным, что особенно важно для подростков с низкой мотивацией.
3. **Безопасное выражение эмоций** — через абстрактные цифровые образы, метафоры и аватары подростки могут исследовать сложные переживания (агрессию, тревогу, травму) без прямого вербального контакта.
4. **Гибкость и доступность** — онлайн-формат позволяет проводить сессии удаленно, что важно для детей с ограниченной мобильностью или проживающих в отдаленных регионах.

Важные нюансы работы [3]:

- **Баланс между цифровым и традиционным** — иногда важно сочетать экранные инструменты с тактильными материалами (глина, краски) для сенсорной интеграции.
- **Контроль экранного времени** — особенно для детей с СДВГ или склонностью к цифровой зависимости.

— **Этика и конфиденциальность** — необходимо использовать защищенные платформы и обсуждать с подростками правила размещения их арт-работ в Сети.

Исследования А. Zubala, N. Kennell и S. Hackett подтверждают, что цифровая арт-терапия не только повышает вовлеченность молодых клиентов, но и способствует развитию их когнитивных и эмоциональных навыков [11]. Однако успех зависит от грамотной адаптации методов под индивидуальные потребности и соблюдения терапевтических границ в цифровой среде.

Многочисленные исследования подтверждают эффективность цифровых методов при различных состояниях [10]:

— При тревожных расстройствах VR-арт-терапия показывает снижение симптоматики на 30–40%.

— В работе с депрессией цифровые дневники рисунков помогают отслеживать динамику состояния.

— Для ПТСР особенно ценна возможность опосредованной работы с травмой через цифровые коллажи.

Переход на цифровые форматы требует пересмотра многих аспектов практики:

- Организация безопасного цифрового пространства.
- Адаптация этических норм к онлайн-формату.
- Разработка новых протоколов сессий.

Особенно продуктивным оказывается гибридный формат, сочетающий традиционные и цифровые методы.

Будущее цифровой арт-терапии связано с несколькими ключевыми направлениями:

1. Развитие ИИ-ассистентов для анализа арт-продукции.
2. Создание специализированных метавселенных для терапии.
3. Разработка биофидбек-систем, реагирующих на эмоциональное состояние.

Заключение

Цифровая арт-терапия представляет собой не просто технологическую модернизацию, а качественно новый этап развития метода. Сохраняя суть терапевтического процесса, она расширяет его возможности, делая психологическую помощь более доступной и эффективной в современных условиях. Дальнейшее развитие направления требует сбалансированного подхода, сочетающего инновационный потенциал с сохранением терапевтической глубины метода.

Таким образом, включение цифровых технологий в пространство арт-терапии способно значительно расширить ее границы и углубить понимание ме-

ханизмов лечебного воздействия творчества на человеческое сознание и самочувствие. Интеграция цифровых практик обещает качественно новый уровень психокоррекционной работы, способствующий гармоничному развитию личности и достижению внутреннего равновесия даже в сложнейших жизненных ситуациях.

В эпоху цифровой трансформации арт-терапия переживает своеобразный ренессанс, органично вбирая в себя новые технологические возможности. Этот синтез искусства, психологии и цифровых технологий открывает уникальные перспективы для психологической помощи, особенно в условиях современных вызовов.

Литература:

1. Адаскина, А. А. Терапевтические возможности цифрового художественного творчества // Современная зарубежная психология. — 2021. — № 10(4). — С. 107–116.
2. Бондаренко, К. О. Технологии цифрового искусства как средство развития самовыражения у подростков / К. О. Бондаренко, О. А. Овсянникова // Вопросы педагогики. — 2021. — № 4–2. — С. 39–43.
3. Головинская, М. О. Значение цифрового искусства в период самоизоляции // Научная палитра. — 2021. — № 2 (32). — С. 32.
4. Горохова, Е. Г. Личностное развитие молодых людей в условиях неопределенности внешнего мира // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2021. — № 19 (3). — С. 27–43.
5. Землянский, А. В. Инфодемия: генезис и морфология явления // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2021. — № 4. — С. 111–114.
6. Копытин, А. И. Современная клиническая арт-терапия: учебное пособие. — Москва: Когито-Центр, 2015. — 526 с. — Текст: непосредственный.
7. Мартиросян, К. М. Социокультурный потенциал арт-терапии в реабилитационной практике учреждений культуры // Проблемы современного педагогического образования. — 2022. — № 74–1. — С. 157–159. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-potentsial-art-terapii-v-reabilitatsionnoy-praktike-uchrezhdeniy-kultury?ysclid=mbw2o5ipa5375389520>
8. Цзюньвэй, Ся. Особенности использования арт-терапии в качестве метода профилактики ментальных заболеваний и развития творческого

- мышления школьников // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 2 (99). — С. 236–238. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-art-terapii-v-kachestve-metoda-profilaktiki-mentalnyh-zabolevaniy-i-razvitiya-tvorcheskogo-myshleniya>
9. Malchiodi, C. Art Therapy and Health Care // Creative Arts Therapies Manuals Series. New York: Springer Publishing Company, LLC, 2012. — 388 p.
 10. Virtual Reality for the Treatment of Anxiety Disorders: A Scoping Review / Donnelly M. R. et al. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34817595/>
 11. Zubala, A., Kennell, N., Hackett, S. Art Therapy in the Digital World: An Integrative Review of Current Practice and Future Directions // Frontiers in Psychology. — 2021. — V. 12. — P. 1–20. — URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.600070/full>

ПЕДАГОГИКА

Формирование традиционных российских ценностей у детей старшего дошкольного возраста в условиях детского сада

Важенина Наталья Николаевна, старший воспитатель;
Кирикович Татьяна Алексеевна, воспитатель;
Колликовская Гульфия Феликсовна, воспитатель;
Аспидова Елена Петровна, воспитатель;
Стафеева Кристина Александровна, воспитатель;
Панкрац Любовь Васильевна, воспитатель;
Лилик Светлана Анатольевна, воспитатель;
Новосёлова Юлия Владимировна, музыкальный руководитель
Филиал МБДОУ – детский сад «Детство» детский сад № 536 г. Екатеринбурга

В статье рассматривается вопрос о духовном и нравственном воспитании детей в современном обществе. Подчеркивается значение этого для становления личности ребенка, его моральных качеств и патриотических взглядов. Описывается опыт реализации дополнительной общеобразовательной программы социально-гуманитарной направленности «КЛАДовая ценностей», призванной помочь детям 5–7 лет осознать и принять общечеловеческие ценности. Раскрываются основные направления программы, охватывающие любовь к Родине, милосердие, семейные устои, дружбу, познание, здоровье, труд, культуру и красоту.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, дошкольный возраст, формирование личности, патриотическое воспитание, программа «КЛАДовая ценностей», ценностные ориентации, нравственное развитие, социализация, дети старшего дошкольного возраста.

Современное общество предъявляет все более высокие требования к личности, ее моральным качествам и способности к адаптации в быстро меняющемся мире. В этой связи особую значимость приобретает процесс прививания подрастающему поколению духовно-нравственных ориентиров, начиная

с самого раннего возраста. Ведь именно в период дошкольного детства закладываются основы мировоззрения, представления о добре и зле, о справедливости и милосердии, о любви к Родине и уважении к другим культурам.

Привитие базовых духовно-нравственных ценностей, раскрывающих духовные основы отечественной культуры, является ключевым фактором становления ребенка, его морального формирования патриотических взглядов. Эти идеалы, которые берут своё начало в многовековой истории нашей страны, объединяют все народности, служат основой для сохранения самоопределения и укрепления гражданского единства.

Важность воспитания морально-нравственных качеств с самого раннего возраста подчеркивается многими исследователями. В частности, Л. С. Выготский отмечал, что «воспитание есть не просто передача опыта, но и организация новых форм поведения, где проявляются высшие психические функции» [1, с. 78]. Он подчеркивал, что в процессе воспитания интериоризируются те ценности и правила, которые становятся внутренним регулятором поведения ребенка.

Патриотизм, почтение к старшим, милосердие, справедливость, честность, трудолюбие, коллективизм — всё это является основой русской культуры. Эти принципы передаются от родителей детям через фольклор, литературу, искусство, обычаи и обряды. При ознакомлении с этими принципами у детей формируется чувство единства с народом, гордость за его прошлое и настоящее, ответственность за будущее.

Сложным и многогранным является привитие нравственных понятий детям старшего дошкольного возраста, требующим комплексного подхода. Важно не только рассказывать детям о нравственных понятиях, но и показывать их на практике. Необходимо стимулировать проявление эмпатии, готовности помочь ближнему, умения решать конфликты мирным путем.

Воспитание патриотических чувств у дошкольников также имеет большое значение. Патриотизм — это не только любовь к своей Родине, но и уважение к другим народам и культурам. Важно прививать малышам мысль о том, что наша страна — многонациональная держава, в которой каждый человек имеет право на уважительное отношение и достойную жизнь.

По мнению Д. С. Лихачева, «культура — это не просто сумма знаний, а система ценностей, определяющих мировоззрение личности». Он подчеркивал, что именно совокупность накопленных человечеством знаний и представлений о мире определяет облик личности, ее созидательные стремления. В этом смысле знакомство с отечественной историей является одним из факторов воспитания духовно-нравственных ориентиров.

Взрослые — и педагоги, и родители — должны создавать благоприятную эмоциональную атмосферу, в которой ребенок ощущает себя любимым, защищенным и спокойным. Необходимо поощрять начинания детей, стимулировать их творческую активность, предоставлять возможности для самовыражения. Важно помнить, что ребенок учится на примере взрослых, поэтому необходимо быть образцом нравственного поведения.

Именно поэтому, мы в нашем ДОО уделяем особое внимание формированию ценностных ориентаций у детей старшего дошкольного возраста. Мы реализуем дополнительную общеразвивающую программу под названием «КЛАДовая ценностей». Эта программа, созданная с учетом возрастных особенностей детей от 5 до 7 лет, призвана помочь ребенку осознать и принять общечеловеческие ценности, необходимые для полноценной жизни в обществе.

К пяти годам дети уже обладают определенным багажом знаний о мире, как со взрослыми, так и со сверстниками. В этом возрасте происходит становление социально-значимой активности. Важно, чтобы ребенок научился понимать свои эмоции и эмоции других людей, мог принимать решения, опираясь на свои ценностные ориентиры. Мы стремимся к тому, чтобы дети умели проявлять эмпатию, могли общаться и находить общий язык в спорных ситуациях. Воспитание культуры общения, основ этикета и правил поведения также является важной частью нашей деятельности.

Дети младшего школьного возраста с удовольствием участвуют в различных мероприятиях, осознавая важность своих поступков. В этом возрасте игра остается основным занятием, поэтому в программе «КЛАДовая ценностей» мы активно используем игровые образовательные технологии. Знания, которые мы даем детям, выступают как способ формирования личности дошкольника. Мы уделяем особое внимание индивидуальному подходу, и программа предусматривает возможность обучения детей с особыми образовательными потребностями.

Наша концепция охватывает широкий спектр понятий, отражающих взгляды и убеждения россиян. Все они интегрированы в воспитательный процесс детского сада и адаптированы к возрастным особенностям воспитанников.

Ценности Родины и природы лежат в основе патриотического воспитания. Мы рассказываем детям об истории страны, ее обычаях и нравах, прививаем им чувство любви к родному краю и бережное отношение к окружающей среде. Забота о ближнем и добро формируют внутренний мир личности. Мы прививаем детям эмпатию, сопереживание и желание помогать тем, кто в этом нуждается.

В основе социального воспитания лежат такие понятия как семья, дружба и сотрудничество. Мы помогаем детям строить гармоничные отношения с окружающими, уважать других людей, ценить дружбу и работать в команде. Ценность познания стимулирует тягу к учебе и саморазвитию. Мы поддерживаем любознательность детей, помогаем им открывать для себя новые горизонты и развивать свои способности.

Крепкое здоровье и хорошее самочувствие являются базой для физического развития. Мы учим детей заботиться о себе, заниматься спортом и вести правильный образ жизни. Ценность работы формирует бережное отношение к труду и трудолюбие. Мы даем детям возможность проявить себя в разных видах деятельности, учим их ценить свои успехи и достижения других людей. Базой для эстетического воспитания выступают искусство и понятие красоты. Мы прививаем детям любовь к искусству, развиваем их творческие способности и учим видеть прекрасное вокруг.

В рамках программы «Кладовая ценностей» реализуются различные темы, призванные сформировать у детей определенные ценностные ориентиры. Например, «Знания нужны. Знания важны» нацелена на формирование познавательного интереса, приобщению к общественной жизни и воспитание почтения к труду. На занятиях дети узнают о значении знаний для человека, о различных профессиях и о том, как знания помогают людям добиваться успеха.

Тема «Что такое доброта?» призвана научить детей тому, что такое доброта, развить у них чувство сострадания и желание помогать другим. На уроках дети обсуждают примеры добрых поступков, разыгрывают сценки и учатся проявлять внимание к окружающим.

Тема «Как не опоздать на всю жизнь?» направлена на привитие детям чувства ответственности, умения планировать свое время и заботиться о себе. В ходе занятий дети учатся составлять режим дня, узнают о важности правильного питания и спорта.

Темы «Как понять друг друга» и «Спешите делать добро», направлены на развитие эмпатии, способности разделять чужие переживания и приходить на выручку, а также на привитие навыков конструктивного общения и разрешения конфликтов. Дети учатся сопереживать, находить компромиссы и проявлять внимание к ближним.

Темы «Семейная преданность» и «В мире все взаимосвязано» воспитывают у детей любовь к семье, уважение к старшим, чувство ответственности за своих близких и бережное отношение к природе. Дети узнают о семейных

обучая, взаимосвязи человека и природы и о необходимости сохранения окружающей среды.

Темы «Жди меня и я вернусь», «Нужно ли слушаться старших» и «Культура вежливости» призваны воспитать в детях патриотические чувства, уважение к старшим и соблюдение норм и правил поведения в обществе. Ребята познакомятся с героизмом и мужеством наших предков, защищавших свою Отчизну, а также узнают, почему необходимо слушаться старших и соблюдать правила вежливого общения.

Наша программа «Кладовая ценностей» охватывает широкий спектр тем, связанных с формированием системы ценностных ориентаций у старших дошкольников. Мы уверены, что, прививая детям правильные ценности с раннего возраста, мы способствуем тому, чтобы они стали достойными гражданами своей Родины и счастливыми людьми.

Привитие общечеловеческих нравственных ориентиров, которые отражают духовные основы отечественной культуры и формируют нравственные нормы и патриотизм у детей старшего дошкольного возраста, является важной задачей современного образования. Реализация этой миссии требует комплексного подхода, совместных усилий педагогов, родителей и общества в целом. Только в этом случае мы сможем воспитать достойных людей, которые смогут создать и творить, сохранять и развивать культуру.

А. С. Макаренко говорил: «Воспитание — это процесс социальной помощи становлению личности». Он подчеркивал, что необходимо стремиться к воспитанию гармоничной личности, умеющей развиваться и реализовывать себя. В этой связи, нужно обеспечивать возможности для проявления детьми творческих наклонностей, для выражения их индивидуальности. В этой связи, нужно обеспечивать возможности для проявления детьми творческих наклонностей, для выражения их индивидуальности, формирования их жизненных целей и ориентиров.

В заключение следует отметить, привитие нравственных ориентиров детям старшего дошкольного возраста — это длительный и непрерывный процесс, требующий постоянного контроля. Необходимо помнить, что дети — это наше будущее, и от того, какие ценности мы им привьем, зависит будущее нашей страны.

Литература:

1. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. — Москва: АСТ, 2018. — 672 с.

2. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург: ЛОГОС, 2016. — 208 с.
3. Макаренко, А. С. Книга для родителей / А. С. Макаренко. — Москва: АСТ, 2017. — 416 с.

Effective conduct of reading-based lessons

Oralgazina Ayaulym Oralgazyevna, teacher

Semey University named after Shakarim (Kazakhstan)

The paper deals with the theme of reading-based lessons and their effective conduct. Being able to effectively read and analyze texts when learning English as a second language is one of the most important parts of constructing one's knowledge of English. Reading fictional short stories is beneficial not only for broadening students' vocabulary, but also for their creativity — analyzing characters and plot from various angles of any composition is a solid way of exercising one's flexible thinking. However, it may be difficult to organize lessons which are primarily focused on reading short stories, as it requires a certain level of attention from students — being able to concentrate on a wholly textual composition, understand and analyze it. Nowadays, the problem is becoming even more critical as modern students struggle with their attention span. That is why as a teacher, it may be complicated to plan out and conduct this type of lessons. However, the utilization of certain techniques and tasks which allow for one's creative thinking may lead to the productive conduct of classes focusing on reading long texts. Our current generation is getting used to the convenient absorption of information in fragments and is slowly losing the ability to concentrate on big textual pieces. Keeping it in mind, it is still possible to compose effective lessons while ensuring that students retain their focus on the content of short stories and are occupied in the reading activities. The paper describes the research conducted and ways of productive reading of short stories and provides examples of activities which may be utilized on this type of lessons.

Keywords: reading-based lessons, reading, reading comprehension, teaching, TESOL.

Introduction

Reading is the most important skill in second language acquisition [1]. Reading specifically fictional short stories is useful for undergraduate students in terms of developing their lexical knowledge, improving their understanding of various cultural and social backgrounds of different times through the lens of a fictional composition,

as well as developing their empathy when absorbing a text describing multiple characters' actions, thoughts and feelings. In many ways, it is a beneficial activity for anyone aiming to enhance their knowledge of the English language as the second one. However, as it was mentioned above, conducting reading-based lessons may have its own difficulties, specific for this type of classes.

Methods

The method utilized was survey. First, we conducted a survey for 11 teachers to determine their views on various aspects of reading-based lessons. Further, we constructed a survey for 11 students to examine the type of tasks they would prefer for lessons focused on reading.

Results

Receiving the results, it was seen that 63.64% consider the decreasing attention span of students to be the most difficult part in conducting lessons, focused on reading, as lower attention span leads to non-productive reading, 18.18% think that evoking students' interest in finding literary works' message and morale is the most complicated part and another 18.18% consider inciting students' produce of viewpoints on characters' and events of a story to be the most arduous.

Table 1. **Questions from the survey for teachers**

What do you consider to be the most difficult part in conducting reading-based lessons?	What types of tasks do you think are the most interesting for students to do when analyzing a story?	What do you think students enjoy the most when working with literary works?
---	--	---

Further, 81.82% shared that they consider creative tasks to be the most compelling for students to do when analyzing a story, while 18.18% consider exercises prompting students to share their opinions, but not exactly demanding much creativity to be the most absorbing for them in the classroom. Then, 54.55% think that analyzing characters' inner world is the part students enjoy the most when working with literary works, 36.36% consider that analyzing plot events is the part students find the most compelling during this type of lessons, while 9.09% shared that they think that defining a story's morale and message is the part students find to be the most absorbing for them when working on with fictional stories.

Table 2. **The teacher's survey results**

Answers for Question 1	Answers for Question 2	Answers for Question 3
Decreasing attention span of students — 63.63%	Creative tasks — 81.82%	Analyzing characters' inner world — 54.55%

Answers for Question 1	Answers for Question 2	Answers for Question 3
Evoking students' interest in finding literary works' message and morale — 18.18%	Exercises prompting students to share their opinions, but not exactly demanding much creativity — 18.18%	Analyzing plot events — 36.36%
Inciting students' produce of viewpoints on characters' and events of a story — 18.18%		Defining a story's morale and message — 9.09%

Next, we conducted the survey for students. We utilized two of the questions which were used for the teachers' survey — one on the preferred type of tasks and one on the most compelling part for them during this type of lessons.

Table 3. **Questions from the survey for students**

What types of tasks do find to be the most interesting when analyzing a story?	What do you enjoy the most when working with literary works?
--	--

For the first question, 72.73% of the students consider creative tasks to be the most interesting for them to work on when analyzing a story and 27.27% think that exercises prompting them to voice their viewpoints, but which do not require much creativity are the most compelling for them. One can see that teachers voted correctly, when they considered creative exercises to be the most absorbing for students to work on during story analyses, which resulted in the course which was chosen for composing examples of tasks a teacher could make use of on the reading-based lessons, described in the paper. When it comes to the second question, 63.64% shared that they find analysis of characters' inner world to be the most interesting part of this type of lessons, 18.18% answered that they find plot events' analysis to be the most engaging part of lessons focused on reading and another 18.18% consider defining a literary work's morale and message to be the most compelling part of reading-based lessons for them.

Table 4

Answers for Question 1	Answers for Question 2
Creative tasks — 72.73%	Analyzing characters' inner world — 63.64%
Exercises prompting students to share their opinions, but not exactly demanding much creativity — 27.27%	Analyzing plot events — 18.18%
	Defining a story's morale and message — 18.18%

Once again, teachers' and students' viewpoints synchronized — the majority of both teachers and students consider character analysis as the most absorbing part of lessons focused on working with fictional stories. As a result, that also determined the course chosen for the composition of exercises presented in the paper — there is a preponderance of tasks which we presented specifically for character comprehension.

Discussion

As one can see from our research results, the most prevalent issue teachers are facing nowadays is the decreasing attention span of students, which is the result of a constant consumption of information in rather small parts on the Internet, whether it be a textual or a video-material. Needless to say, it affects reading-based classes as they deal with studying and analyzing extensive texts.

Warm-up activities are a significant part of any lesson, however they possess a special usefulness when it comes to lessons primarily focused on reading. To prepare students for reading a lengthy material, conducting a warm-up exercise combining English with some entertaining activity is a good way to stimulate their attention and energize them before the reading work. This way the students would revive their attention levels and be more prepared for absorbing extensive textual material. For instance, the teacher could conduct a short karaoke-imitating activity with the use of the students' favourite songs in English or a brief game where each of them throws a ball to each other and asks each other various questions.

When it comes to the actual reading part, it is more effective for students to read short stories in fragments, rather than as a whole composition in one sitting. The reason for that would be that as we mentioned above, nowadays it became more difficult for people to concentrate their attention on extensive textual information. We suggest dividing the short story which the teacher is planning to utilize in the reading class into several parts in advance, next composing short reading comprehension tasks or simple questions for each of the fragment of the text. As a result, students would read the parts of the text one by one, while also simultaneously working on the tasks based on the fragments they have just read — this technique allows them to have an engaging reading, rather than a passive one, as they need to read the material attentively to be able to do the short tasks.

Another way to conduct effective reading would be to separate a short story into different parts, divide students into small teams and provide each of the groups with one of the fragments without repetition, handing them out in a form of a part of a puzzle, after which they would have to analyze their fragment of the text, explain their part each in turn to the rest of the students and conjointly decide on the correct

sequence of the story. Then, they would have to connect the parts of a puzzle in accordance with their judgement. This exercise is a form of the “jigsaw” technique, which is a type of cooperative learning and actively encourages students to help each other in the mastery of a subject matter to get maximum achievement [2]. An activity of such type promotes teamwork, the ability to explain the material having been read verbally, as well as their skill of making correct assumptions. Furthermore, connecting pieces of a puzzle makes for a slight game element. One can make use of various printable illustrations of a puzzle and add parts of the story there to utilize the puzzle fragments on the lesson.

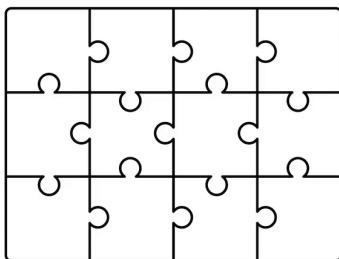

Fig. 1. An example of a puzzle

Jigsaw reading is useful for an effective absorption of the textual information as collaborative work occupies each student in the activity.

Using creative exercises when working on understanding and analyzing the text is a solid way to incite students' engrossment. Defining characters' notable styles of behavior, their personality traits may be done through the utilization of tasks demanding flexible imagination. For instance, the teacher could conduct the task which asks students to divide into small teams and to pretend that the story is set in a modern setting and the primary characters have their own group chat, further mentioning that one of the characters left the conversation in a messenger and they have to compose the “text bubbles” from each characters, constructing a dialogue which led to one of them leaving the chat.

This task is good for determining the level of the students' understanding of characters of a story, as to create the “chat history” they need to produce a realistic dialogue, appropriate for the characters' personalities and patterns of behavior. Then, the teacher would be able to establish how well each of the teams comprehended the essence of the story's figures.

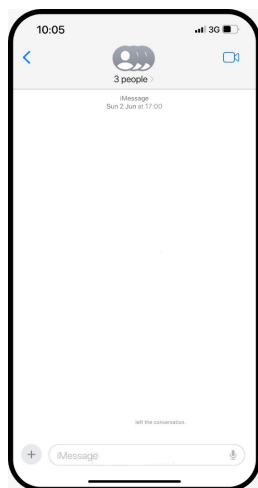

Fig. 2. "Group Chat" task

The other example of a creative post-reading exercise to engage students in would be to divide them in pairings and once again, ask them to imagine that the story is occurring in the modern setting, creating an artificial profile on Instagram¹, which would belong to one of the characters. The exercise could be conducted in a way where the students are composing a profile for only one of the characters in the story or where they are constructing profiles for several characters of the literary work. The described task could be done with the utilization of special websites aimed at allowing its users to generate artificial accounts [3]. Analysis of a literary work's figures executed in the suggested way presents an opportunity for students to approach the story from a flexible, realistic, creative angle. Considering that social media holds a significant role in our lives, including students, an exercise of such type would be appealing to them in the course of a lesson. On the other hand, the teacher could assess how well they understood a character or characters based on the way they illustrate them through the construction of a fictional account — as any social media profile provides an outlook into a person's life and their vision of the world.

The other way to assess students' understanding of the characters would be to ask them to create fictional "Google search" histories of one or several characters of the story, envisioning what would these characters search on the Internet. That is another example of a task aimed at demonstrating students' comprehension of the figures of

¹ A product of the Meta company, which is recognized as an extremist organization in Russia.

a literary work, as we could depict the things we envision to be matters the fictional characters care about through composing the mentioned “search bars”.

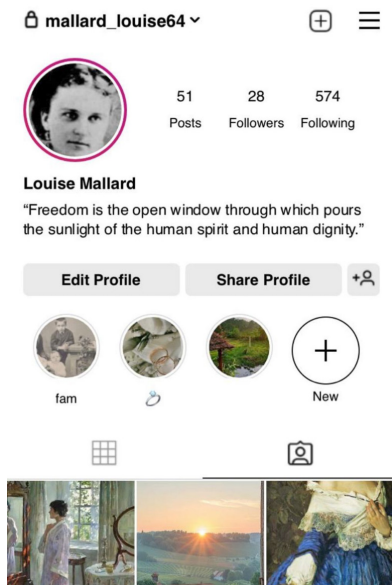

Fig. 3. An example of the completed task by a student

Fig. 4. “Google search” task

Taking forms of entertainment which are of interest to students into consideration, another way to ensure students' engrossment in the lesson and in the story's analysis, a teacher could always make use of various meme templates [4]. The popularity of meme culture makes it an ideal vessel for enhancing and modernising the classroom, which is especially pertinent with the association of memes with youth culture, the predominant age range within higher education [5]. Utilizing meme templates, students would be provided freedom to compose various jests on the literary work's characters and the events around which the story is constructed. In comparison with the previous exercises described, this task is concerned not only with stories' characters, but also their plots. Considering the wide amount of existing “meme” templates, there is a vast space for students' possible jesting interpretations of fictional works.

Fig. 5. An example of a meme on a story completed by a student

Analysing characters' inner world also means correctly understanding their needs, wishes and things which are of interest for them. Examining students' comprehension of that could be executed through the use of the task where the teacher needs to ask students to create a fictional store receipt of one or several characters from the literary work. The way the described exercise demonstrates students' comprehension of characters wishes and needs is through the list of objects and products they consider

to be the things a character would acquire for themselves. Needless to say, the students would also have to explain their choices. The task could also be conducted in the following way: students divide into small teams, each of them assumes the role of different characters from a story and after that they need to envision that they are making joint purchases from a store — this version of the exercise would promote teamwork.

Cashier:	#3	
Manager:	Eric Steer	
.....		
Name	Qty	Price
Sub Total		
CASH		
CHANGE		
.....		
		
THANK YOU! Glad to see you again!		

Fig. 6. An example of the store receipt template

Finishing a reading-based lesson includes composing final views of the story, events and characters. After analysis and completed tasks, the students may share their concluding judgements concerning the literary work studied. It could be executed with the utilization of such table:

Table 5. An example of a table for reflection

What I liked about the story	What I found confusing in the story	My favourite character or characters	My controversial opinion on the story	What I consider to be the morale of the story	I agree with the ending / I would change the ending

Completing the table, students should voice their answers verbally and interchange their views with each other, defending their opinions and providing some arguments for their vision of various matters, around which a story would be based. Articulating

controversial viewpoints could potentially lead to debates, which would promote a considerable share of speaking.

Conclusion

As a conclusion, we envision a productive reading-based lesson as a lesson with an attention-stimulating warm-up activity, phased and gradual reading of a story, implementation of exercises, promoting creative and critical thinking, while also having a connection to modern life and tendencies, as well as reflection prompting sharing various viewpoints and substantial speaking.

Recommendations

We recommend making reading not passive, but rather active, providing students various reading comprehension questions or tasks after each part or fragment of a story they are reading, as it will help the teacher occupy the students without their loss of focus. Including creative exercises which require students' active use of imagination results in students' better immersion in the tasks, which in itself produces effective work.

References:

1. Serda G. The importance of reading activities in reading comprehension // Disiplinlerarası Yen Araş Der. — 2022. — 2 (1). — 29–34 p.
2. Nurbianta N., Dahlia H. The Effectiveness of Jigsaw Method in Improving Students Reading Comprehension // ETERNAL (English Teaching Journal). — 2018. — 9 (1). — 71 p.
3. Fake Detail: <https://fakedetail.com/fake-instagram-profile-generator>. — 2025. — URL: <https://fakedetail.com/fake-instagram-profile-generator> (date of application: 01.06.2025).
4. Imgflip LLC: <https://imgflip.com/memetemplates>. — 2025. — URL: <https://imgflip.com/memetemplates> (date of application: 01.06.2025).
5. Tidy H., Bolton-King R. S., Croxton R. and others. Enhancing the student learning experience through memes // Science & Justice. — 2024. — 64 (3). — 281 p.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная
Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 24.06.2025. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.